

18+

НИКИТА БОЖИН

ХРЕБЕТ ВЕРВИНЫ

Никита Божин
Хребет Вервины

«Издательские решения»

Божин Н.

Хребет Вервины / Н. Божин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-600146-6

Сотни лет ворожеи защищали Вервину, одним своим присутствием внушая страх врагам. Но времена изменились, государство ослабло, а носителей силы осталось мало. В переломный момент стойкий и преданный делу ворожей оказывается втянут в цепь событий, связанных с желанием соседей завладеть севером. Ему предстоит большой путь в поисках силы, которая должна разрушить планы неприятеля. Интриги и сражения, чудища и изменники, враги и друзья — многое ждет на пути ворожея в первой части масштабной трилогии.

ISBN 978-5-00-600146-6

© Божин Н.

© Издательские решения

Содержание

Начало	11
Свадебный день	14
Встреча в Великом Круге	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Хребет Вервины

Никита Божин

© Никита Божин, 2024

ISBN 978-5-0060-0146-6

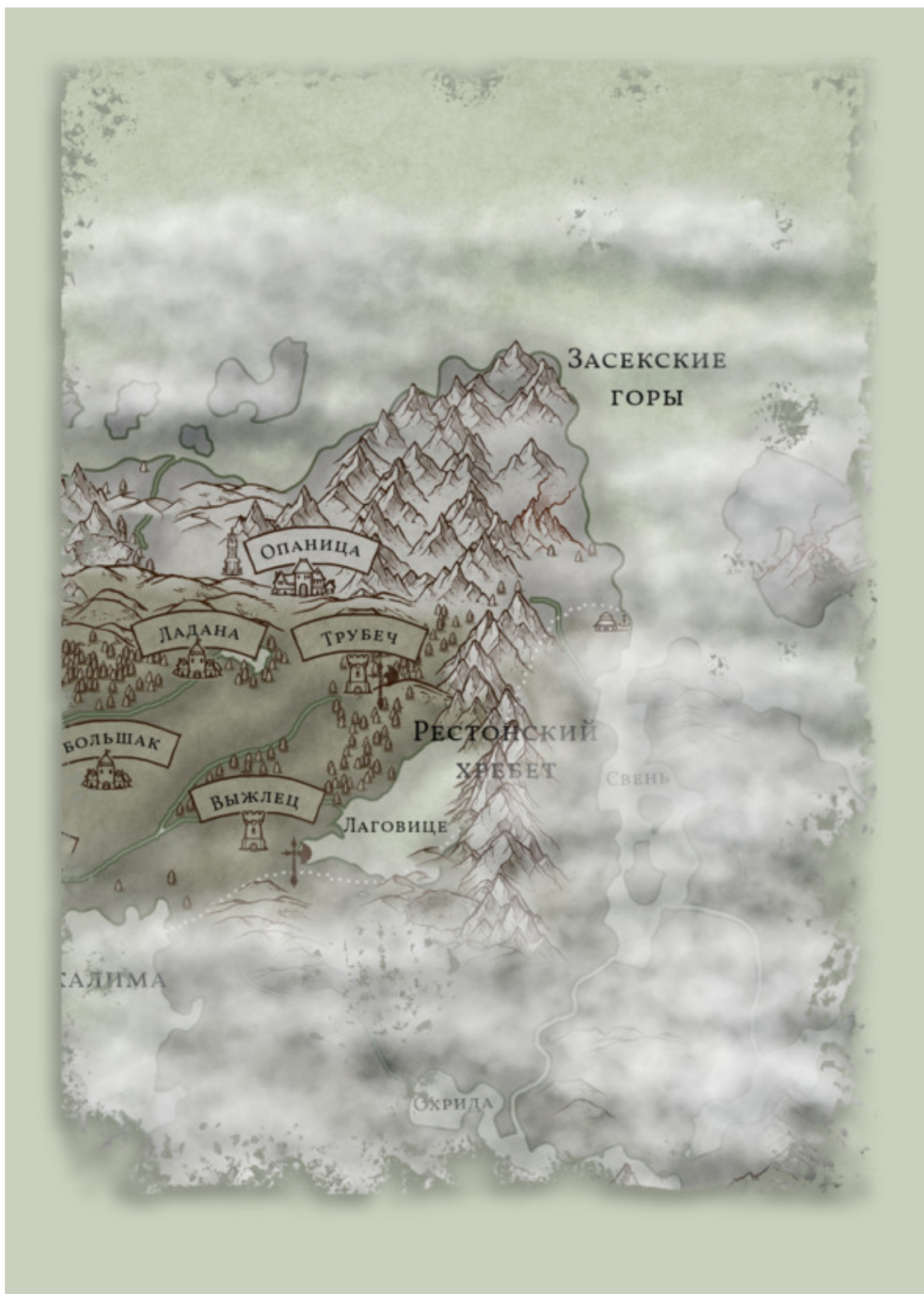
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало

Сегодня середина зимы, праздник Вялища на землях Вервины. Это один из многих почитаемых дней, прочно укоренившихся на севере. Ни один другой народ не имеет такого количества праздников, обычаев, традиций и поводов для ярмарок и собраний, сколько жители Вервины. Что-то является их давней традицией, что-то принесли другие народы, удачно влившись в общую культуру. Рассказывали, что раньше на Вялищу обязательно случались крепкие морозы, нередко были долгие снегопады, засыпавшие дороги по колено, а местами и по пояс. Северная часть Вервины и вовсе превращалась в ледяную пустыню, и не многие отваживались продолжать жить севернее крайних границ, разделявших страну на две части: обитаемую и почти пустую. Жизнь за северной чертой не отличалась разнообразием, чем во многом устраивала тех, кто искал уединения и покоя. Их крепкие дома неплохо спасали от холода, а провиант обычно закупался на месяцы вперед, чтобы лишний раз не выбираться из труднодоступных земель. В летний период природа за северной чертой отличалась изящной суровостью, зимой же была по-настоящему опасна для неподготовленного путника, потому отсекала иноземцев, проходивцев и авантюристов. Но сегодня о былых временах только рассказывают, ведь даже старики и те вспоминают лишь отголоски тех тяжелых зим, накрывавших земли. Зимы теперь куда теплее, и год от года все мягче, а лето, в свою очередь, дольше и жарче. Потепление принесло за собой рассвет сельского хозяйства не только в Вервину, но и по всему континенту. С каждым годом все сложнее определялась северная черта, становившись понятием более географическим, нежели климатическим, а северные территории осваивались и заселялись все охотнее, нарушая вековой покой этих мест. Десятки лет длился подъём урожаев и рост богатства, делая доступными новые части земли, открывая пути торговли, обмена, взаимодействия и развития, подарив народам период затишья, когда целые поколения на многих землях могли сказать, что не знают, что такое настоящая война. Да, зимы теперь уже не те. Говорят, даже исполинские ледяные глыбы медленно тают, обнажая землю и камни. И нет ничего важнее на планете Земнице, чем камни.

Планета Земница не наделена своей силой, но может черпать ее отовсюду, постоянно взаимодействуя с Большим миром. Большой мир – это система планет, спутников и астероидов, образующих единое целое, непрерывно связанное между собой. Земница – единственный мир, населенный разумными, живыми существами, по крайней мере обратного установлено не было. Прочие миры (планеты), существующие в Большом мире мало похожи на места, где возможна хоть какая-то объяснимая жизнь. На Земнице нет лучшего источника, чем книга, так и названная «Большой мир», которая подробно описывает устройство всего и вся. Из книги можно узнать, что всего в Большом мире существует девять планет – девять миров из огня, льда, жидкостей, камней, металлов и газов. Свойства многих веществ, составляющих основы той или иной планеты не всегда известны и понятны, либо просто слабо изучены, а потому часть знаний очень условны и порой опираются на догадки и предположения. В Большом мире есть лишь одно светило, два спутника у самой Земницы и до конца неизвестное их число у других планет. Все это и есть Большой мир.

Проводником силы других миров на Земнице являются камни. Не каждый камень наделен возможностью служить проводником, но все же таких камней предостаточно, и многие из них образуют целые пласты, возвышенности и плато. Количество камней и определяет тот предел, способный проводить силу в этот мир. Ограничения позволяют сохранять баланс, нужный для поддержания жизнедеятельности планеты, в противном случае она давно была бы разрушена от переизбытка сил, воздействующих на нее. По этой причине на планете всегда существует ограниченное число людей, способных одновременно владеть таким даром. Камни проводят энергию, а люди преобразовывают ее и воплощают. Эту способность стали называть

ворожкой, а тех, кто проводит силу, называют ворожеями. Способность владеть ворожкой – природный дар, им нельзя овладеть и ему нельзя научиться обычному человеку. Чем ближе камни ворожки, тем выше вероятность, что ребенок родится со способностью к ворожке. Но родиться – это лишь часть дела, многие ворожеи проживают жизнь и не знают о своих способностях. Нужно уметь распознать силу внутри, понять, что человек для чего-то пригоден (о чем нередко узнают едва ли не случайно, используя простое заклинание, известное всем и каждому, которым еще дети проверяют, ворожеи они или люди, придумав для того целый ритуал, который называют Длань, особенно его любят в Вервине). Но узнать о своих способностях совсем не значит суметь развить их. История знает тысячи человек, кто хоть и родился ворожеем, но раскрыть свой дар не смог, так и не шагнув дальше ритуала Длань, и всю жизнь в сущности ничем не отличался от обычного человека. Всё, или почти всё, всегда зависело от личности, и под силу ли ей буквально заставить себя развивать дар, жертвуя многим, ведь этому можно посвятить всю жизнь, чтобы как следует овладеть мастерством взаимодействия с мирами, чтобы уметь управлять их силой и не умереть, допустив роковую ошибку.

Когда умирает ворожей, его сила высвобождается, и она может позволить молодому ученику овладеть начальными знаниями, либо умелому ворожею усилить свои способности, у которых тоже, впрочем, существует предел. Все ограничено: числом камней, свободной энергией, силой разума ворожея, его волей, здоровьем и выносливостью, его знаниями и в конце концов умением применять навыки. Чем больше в мире людей обладает силой ворожки, тем меньше для нее остается новым ворожеям, именно поэтому Круги ворожки по всей планете следят за тем, чтобы их подопечные не злоупотребляли силой, чтобы ее использовали только для одной из значимых целей – военной или дипломатической, а также только зарождающаяся инженерия, для которой способности ворожеев вполне годятся. Всё прочее признается глупостью и преследуется. Впрочем, так было прежде, но теперь мир меняется, вековые правила слабеют и обретают форму устаревающих традиций или вовсе рекомендаций, что вызывает дискуссии, недопонимания и конфликты интересов. Долгое время затишья и сравнительного покоя поменяло и само восприятие ворожки, порождая все больше адептов новых течений, предполагающих пересмотр самой сути ворожеев и их способностей. И все это происходит в Третьем мире, сформированном на едва уцелевших осколках разрушенного Второго мира, который как раз и уничтожило могущество ворожеев прошлого. В своей последней войне они накопили такую силу, которой хватило на катастрофическое разрушение планеты. Причина краха Второго мира все сильнее занимала умы современных мыслителей, призывающих подумать о той силе, которую носят в своем разуме ворожеи. Они указывают, все больше опираясь на предположения, что для обретения едва ли не безграничных возможностей немногими лидерами во Втором мире целенаправленно истребляли большинство ворожеев, чтобы сила высвободилась и давала шанс великим ворожеям еще хоть немного превзойти свои способности, дойдя до пределов могущества. Когда иссякла естественная способность, они расширяли сознание с помощью зелий, трав и амулетов, разрушающих тело, но усиливающих разум. Они постигли невероятную силу, превратившись в подобие камней, накопивших в себе великую мощь, что и разрушило мир в последней войне. Деталей произошедшего тогда до сих пор не предоставляется возможным узнать, и все случившееся воспроизводится на основе обрывочных записей и хроник, которые уцелели или были составлены сразу после катастрофы. Пока еще никто не взялся достоверно объяснить, что же на самом деле тогда произошло и как ворожеи прошлого смогли выйти за все мыслимые пределы, чтобы впитать силу и обратить ее в гибель целой планеты. Ответы на столь опасные вопросы тревожили людей множество лет, но за все время исследований понимания больше не стало и то, что было известно примерно две тысячи лет назад, известно и теперь, без надежд на выяснение подробностей.

После падения Второго мира даже уцелевшие части крепостей, городов и поселений пришли в упадок и запустение. Возникшие природные катаклизмы исказили облик планеты,

похоронив или уничтожив почти все. На месте центров павшего мира паслись дикие животные, все поросло деревьями и травами. Государства, города и здания разрушались, многие знания оказались утрачены или искажены из-за непонимания и ложных трактовок. Уцелевшие группы людей выживали только за счет того, что оставались вместе, образуя новые поселения. Ушло около трех тысячелетий на то, чтобы дойти до нынешнего уровня, но достичь даже половины знаний и способностей использования ворожбы, так как это было во Втором мире, не могут по сей день, хотя людям Третьего мира неоднократно везло находить древние тексты, технологии, предметы, артефакты и оружие. Фрагменты древних карт изображали мир несколько другим, и кажется, что часть земли и островов ушли под воду, сформировав новый ландшафт, с новыми центрами силы, главным из которых стал негостеприимный север, многие годы игнорированный всеми, но именно там находится самое большое скопление камней ворожбы на всей планете, и именно от этого ледяного края начала свою историю Вервина, выросшая из малого поселения и за более чем две с половиной тысячи лет сформировавшая границы своего государства, созданного силой боевых ворожеев, во все времена обеспечивающих силу их армии, почти не знавшую поражений.

Сегодня Вервина – тихая земля на севере континента. Край, наполненный камнями, часть из них впитывают, концентрируют и отдают силу в этой части земли. Каменный ландшафт земель разнообразен: горы и холмы, скалы и утесы, камни, образующие пласты, каменные карьеры, глыбы, пронизывающие почву и формирующие острова. Камни рассыпаны по всей территории. Кроме камней, земли Вервины наполнены реками и озерами, хребтами и горными вершинами, лесами и равнинами, редкими болотами, плодородными полями на юге, а запад, восток и север омываются океанами.

Вервина сформировалась самобытным краем, отличным от остальных земель благодаря большому числу людей, способных к ворожбе. Как было сказано, силу ее армии и могущество сформировали ворожеи, обеспечив на многие годы время покоя, что, в конечном итоге, отвело Вервине роль некоторого захолустья. В сознании народа сформировалась идея, что они сохраняют мир, оберегают у себя землю камней, и так было много лет, но мир меняется довольно быстро. Пока они занимались торговлей, земледелием, собственной культурой, с некоторым высокомерием глядя на соседей, порой участвующих в локальных войнах, их собственный военный потенциал слабел, государство приобрело элементы дробления, все заметнее утрачивая централизацию, а ворожеи начали мельчать и слабеть, поддаваясь искушениям и легким деньгам, став кем-то вроде фокусников, тогда как боевые навыки постепенно угасали, а сами ворожеи все реже стремились развивать свой разум, останавливаясь где-то в начале пути, ровно на той стадии, когда можно начать зарабатывать деньги и получать прельщающее внимание за свою уникальность, что удовлетворяло пожеланиям публики на всей территории. Но Вервина не стала изгоем, она превратилась в нечто вроде огромного места для отдыха, покоя, укрытия, проворачивания дел и торговли, куда тянулись разные личности с разными целями и желаниями, все больше попадая через соседнюю Рельяру – центр всего континента и вместилище всех потоков.

Итак, сегодня середина зимы, праздник Вялица.

Свадебный день

Двое всадников на гнедых лошадях неспешно двигались по дороге в сторону города Слана. Им оставалось около двух часов пути до нужного места, небольшого поселка юго-западнее города, под названием Заполица. Это живописное и примечательное место расположено рядом с глубокими озерами, там часто проводят местные праздники, ярмарки и устраивают соревнования по рыбной ловле; все эти забавы популярны у простого народа, на каждый сезон придумавшего себе повод погулять. Зимой, на Вялицу, в Заполице часто играют свадьбы. Некоторые местные жители специально строят и сдают для мероприятий длинные дома, чтобы там могли собраться гости из Сланы или других деревень и поселков, дабы выдержать традицию и погулять на свадьбу в Заполице. Откуда пошла традиция никто не знал, хотя об этом существовало около десятка версий, впрочем, все они были, вероятно, ложные, но иногда за высказывание непопулярной версии можно было получить по морде от тех, кто знал «правду» и готов был доказать ее на деле. Это тоже своего рода местная традиция.

Всадники остановились у постоялого двора, чтобы отдохнуть с дороги, переночевать и рано утром отправиться в путь. Устроив лошадей, они стащили с них свои вещи и, услышав заверения конюха, что места есть, а ночлег устроят в лучшем виде, двинулись ко входу. Постоялый двор представлял собой двухэтажное здание деревянной постройки на крепком, каменном фундаменте. Во внешнем оформлении угадывались фигуры, характерные для Ижарецкой росписи, имитирующей морозные узоры. Обычно ей украшали посуду, горшки и вырезали на домах и предметах быта на севере и северо-западе Вервины. У постоялого двора стояли человек десять, все изрядно выпивши, они смеялись промеж собой, шутили, кто-то курил длинные трубки, иные задирали друг друга, а один и вовсе сидя и чуть скорчившись дремал на скамье перед входом, не опасаясь замерзнуть. На двух незнакомцев никто особенного внимания не обращал, так как накануне Вялицы в эти края всегда подтягивалось много путников со всех сторон, желающих поучаствовать в ярмарках или приезжающих на свадьбы к своим родственникам в окрестные поселения.

Распахнув дверь, они ощутили на себе жар от набитого людьми помещения. Впрочем, температуру создавали не только десятки гостей, пьющих и громко горланящих, но и кухня, не успевавшая готовить похлебки и мясо согласно местным кулинарным традициям. По углам лежали крупные, преимущественно округлые камни (специально обточенные для красоты), такие камни называют Смага. Камни Смага постоянно проводят тепло от огненной планеты Пламма Вир, прогревая помещение лучше огня, так как не дымят и для них не требуется дров. Эти камни добывают в местах, где расположены вулканы, в том числе потухшие, а также иногда они встречаются на дне южных морей и в пустынях, крайне редки случаи, когда такой камень появится на крайнем севере, но в этом случае его легко заметить по оттаявшему вокруг снегу и льду. Из-за жары то там, то здесь, окна раскрыты настежь, чтобы проветривать душное, прокуренное помещение, но и это особенно не помогало, ведь зимы нынче уже не те.

Двое мужчин, не уделив ни секунды внимания происходящему в помещении, прошли мимо череды длинных столов, огибая лавки и гостей, подошли к трактирщику и поинтересовались, есть ли свободные комнаты. Трактирщик, не слишком старый, но седой человек с большим шрамом на левой стороне лица внимательно посмотрел на двух посетителей, как он сразу определил, не здешних, хоть и говор их не отличался. Внешне они походили на солдат, и не только благодаря форме, ведь ее можно достать самыми разными способами. Оба воина носили одинаковые облегченные, очевидно походные, варианты доспеха, с чешуйчатой кирасой, закрывавшей тело и плечи, под ней кольчуга и серого цвета плотная ткань. Наручи укрывали руки почти до локтя, на ногах у обоих очень дорогие, прочные и теплые сапоги, сверху доспехи прикрывали меховые накидки и плащи, спасающие от ветра. На плащах выши-

тые узоры, своего рода знаки отличия офицеров Вервины, выполненные в виде росписи. Опытный трактирщик на глаз мог отличить бандита в форме солдата или офицера от настоящего представителя армии, подмечая не только внешний вид, но и манеру говорить, смотреть и, как говорят, держаться. В двух посетителях он сразу угадал верных подданных армии Вервины.

Первый человек, ростом заметно выше среднего, стоял с левой стороны от трактирщика. Внешность его не казалась угрожающей, несмотря на рост и крепкую фигуру с широкими плечами. Его голова обрита почти налысо, длинный, узкий рот обрамляла фигурная борода, очевидно, что человек следил за ней и поддерживал форму даже в дороге. Кожа его бледна, по виду он настоящий альбинос, либо очень мало бывает на свету. В полутьме трактирщик отчетливо видел его голубой цвет глаз и хладнокровный, но не давящий взгляд, как будто смиренно ожидая любого ответа, и если места нет, этот человек ляжет спать хоть на лавке, как простолюдин, и ничто его не смутит. При нем меч, закрепленный на поясе, на плече висела палица, видимо только снятая с лошади, за спиной круглый щит с гербом Вервины, а в руке сумка с какими-то личными вещами, внутри сумки угадывалась форма округлого офицерского шлема. Он представился именем Гарип.

Второй человек выглядел немного старше своего спутника. Он уже не слишком выделялся ростом и смотрелся чуть выше среднего мужчины в Вервине, но по складной, крепкой фигуре, угадывающейся и под доспехами, легко представлялось, что этот человек бывалый воин. Человек держал ровную осанку, смотрел несколько устало и равнодушно, не отводя свои, как казалось в полумраке, темные глаза от трактирщика. Он далеко не так бледен, как его спутник, кожа хоть и светлая, но имела вполне естественный для севера Вервины цвет. Воин говорил неторопливо, спокойным, умиротворяющим голосом, точно учитель общается со своим учеником. Он носил короткую, простую стрижку, но его темные волосы были чуть взъерошены, видимо от капюшона или шлема. Лицо его покрывала недельная щетина, примерно намекающая на время, проведенное в пути, либо на то, как давно этот человек пользовался услугами брадоброя. На лице и шее несколько небольших, давно затянувшихся шрамов, едва заметных в темноте. При себе у него почти идентичный набор, как и у его спутника, только помимо одного меча на поясе он перебрал за спину второй, очевидно запасной одноручный меч. Он назвал себя именем Хельмут.

– Хельмут? – переспросил трактирщик, – не слышал таких имен в наших краях. Иностранец на военной службе, ваша милость?

– Нет, это мое настоящее имя.

– Должно быть редкое имя. Я таких не слышал.

– Отец увидел его на каком-то камне, я думаю, что надгробии от Второго мира, и решил назвать меня в честь кого-то.

– Не такая уж и редкая история между прочим, – важно прокомментировал ситуацию его спутник.

– То есть вы даже не знаете, в честь кого названы, ваша милость? – наигранно дивился трактирщик.

– Я даже не знаю, правильно ли он прочел ту надпись.

Гарип широко улыбнулся и вставил новое замечание:

– Как мы все понимаем, надпись эта могла означать что угодно, чем в нашем мире называться было бы неловко.

– Довольно твоих баек, – произнес Хельмут, обращаясь к Гарипу, а после сказал уже трактирщику. – Нам нужна комната, желательно с двумя кроватями, но если что, мой соратник поспит и на скамейке.

– Вам повезло, у меня как раз осталась последняя комната. Но... она самая дорогая, ваша милость, а в текущий период двойная цена, зато поэтому ее никто еще не взял. Вы уж меня поймите правильно, ваша милость.

Хельмут положил на стол монеты.

– Надеюсь, этого хватит для ночлега, ужина, сена для лошадей и на завтра еды в дорогу?

– О, да, да, разумеется, хватит судари, хватит. Ступайте наверх, последняя комната справа. Ужин подадим.

– Спасибо, – учтиво кивнул Гарип.

Гости уже почти ушли, как любопытный трактирщик решил спросить у них, бросив в след:

– Вы ведь солдаты?

– Да, мы солдаты, – ответил Хельмут.

– Простите за любопытство, откуда вы?

– Из Вирмы.

– О, столица, – с уважением протянул трактирщик, – но что привело вас сюда, в нашу глушь?

– Мы едем на свадьбу, в Слану.

– Что ж, не смею больше отвлекать. Прошу, – бросил им вслед трактирщик и рукой указал направление к лестнице.

Солдаты ушли на верхний этаж. Трактирщик весьма обрадовался полученной информации, ведь ценен каждый новый гость, рассказавший хоть и скучную историю, но в уме трактирщика додуманную и в устах приобретающую форму занятой байки, которую можно рассказать новым постояльцам или повторять тем, кто спяну все забывает. «Однако с этих можно было еще и полушку сверху попросить» – алчно подумал трактирщик, когда солдаты пропали с поля зрения. «Эх, дурак» – еще раз покорил он себя, но рассудил, что идти и просить добавить будет уже не совсем прилично, а скандалы ему, случись чего, ни к чему.

– Куда бы мы ни пришли, ты всегда без тени сомнения отвечаешь на все любопытства, – в шутку заметил Гарип, когда они поднялись по лестнице.

– Зато никаких подозрений и домыслов. Мы открыты людям, так им спокойнее, – равнодушно заметил Хельмут, просто говоривший о своей работе.

– К тому же мы не солдаты.

– Почему же? Мы солдаты, Гарип, просто умеем чуть больше, и наша задача чуть скучнее, чем хотелось бы.

Они вошли в комнату. Она оказалась чище, чем можно было ожидать, при этом внутреннее убранство оставалось предельно простым, но главное, что там стояли две кровати, и это радовало больше всего. Шум снизу доносился больше, чем ожидалось, особенно громко какой-то гудец заиграл на дудке, а кто-то затянул песню, но все это сносно, если сон почти одолел.

– Поужинаем и отдыхать, – сказал Хельмут, и спутник кивнул в ответ.

В скором времени в комнату к ним постучалась молодая девушка и, извинившись, спросила, не станут ли они возражать, если ужин подадут прямо в комнату, потому что внизу набилось столько народа, что свободных столов нет.

– Так даже лучше, – ответил Гарип.

– Да, значит сегодня точно без драк, – согласился Хельмут, а спутник его рассмеялся, видимо припоминая какую-то занятую историю.

Через полчаса в комнату принесли два больших подноса, на каждом из которых лежали по бараньей ноге, запечённой с травами и картофелем, рядом насыпана добрая горсть маринованного зеленого горошка и треть хлеба. К блюдам подали по огромной кружке пива, изготовленной начинающим мастером, судя по неопрятной форме. Мужчины поблагодарили девушек и сели есть.

– Пива-то выпьем? – улыбаясь спросил Гарип.

– Ладно, давай, от такой порции разум не одурманится, – поддержал Хельмут, и они стукнулись кружками и набросились на еду.

Перед рассветом солдаты собрали свои вещи, получили по узелку с едой, за которые заплатили вчера, взяли лошадей и отправились в путь. Когда Багрец начал освещать Земницу лучами, заставляя снег искриться, а льдины переливаться оранжевым оттенком, Гарип и Хельмут неспешно двигались по дороге, иногда обгоняя пеших путников да проезжая деревни по пути, и время от времени разговаривали.

– Как голова? – спросил Хельмут.

– Хм, полный порядок. Что будет с кружки пива? – улыбаясь, ответил спутник, чуть откинувшись в седле.

– Давно что-то выпивал?

– Пару месяцев назад, кажется.

– А я, кажется, уже несколько лет не притрагивался к выпивке.

– Ну и как, есть разница? Помогает в ворожке?

– Хочется думать, что так. Иначе для чего столько лет отказывать себе в радости опрокинуть кружку? – посмеиваясь, отвечал Хельмут.

– Зато голова не болит по утрам!

– Болит от другого.

– Ладно, посмотрим, как мы справимся сегодня. Может вчерашнее пиво сделает нас могущественнее, как те зелья для мозгов, а? Может в этом кроется тайна ворожеев Второго мира, – все продолжал шутить Гарип.

– Скоро узнаем. Ладно, вперед, поехали, – серьезно закончил шуточную беседу Хельмут.

По команде всадников лошади ускорили шаг и пошли бодрее навстречу своей цели.

Во все времена ворожеи относились к чистоте своего разума с особым трепетом, так как мозг в сущности и был их главным оружием, но в то же время мог стать и слабостью, если злоупотреблять одурманиванием сознания. Разум ворожеев одновременно силен, но в то же время хрупок, он гораздо быстрее поддается разрушению, нежели разум обычного человека, и от того во все времена ворожеи избегали выпивки или ирия, так же разрушающего мозги, в противном случае их ждала бы скорая утрата способностей, а после и полная потеря контроля над собой, а как итог – бездарная и жалкая смерть. Еще одной бедой для ворожея могла стать некоторая степень безумия или глупости, и дело опять же в хрупкости их разума, если его не тренировать, есть риск лишиться рассудка, что случалось порой даже с теми, кто не знал о своих способностях, жил обычной жизнью и по этой причине однажды в той или иной степени сходил с ума. Обо всем этом давно известно, и Круги учили молодых ворожеев всем мудростям и превратностям их дара, объясняя правила работы над своим разумом. Но так было раньше, а нынче многие молодые ворожеи пренебрегают правилами и отчаянно ходят по тонкому льду, пристращаясь к самым разным способам одурманивания и веселья.

Вчера вечером в разговоре с трактирщиком гости все же немного солгали, отвечая на расспросы. В определенном смысле они действительно были солдатами, но не обычными. Гарип и Хельмут – боевые ворожеи, состоящие на военной службе и носящие звания Перита и Мастрота, относящиеся только к иерархии ворожеев, исходя из их способностей к управлению силой. Мастрот – высшая по способностям в Третьем мире форма владения ворожкой, ниже нее идут Перит, Эринт и Ван, то есть ученик. Все эти уровни люди почерпнули из книг об обучении ворожке во Втором мире, сохранив даже оригинальные названия, но переработав содержание под понятные для текущего времени принципы, описав это уже в своих работах, и теперь любой, кто умеет читать, может с ними ознакомиться в библиотеках Кругов. От себя они добавили лишь два неофициальных «титула», использующихся только в устном обращении. Первый «титул» – блазень, так они называли учеников, освоивших самые

основы ворожбы и сбежавших с учебы или из армии, в дальнейшем промышлявшие развлечением людей, соблазнением противоположного пола или мелким разбоем. Это оскорбительная форма, но она вполне соответствовала поведению тех, кто распорядился своими навыками как попало. Существовал еще один «титул» – покляп, это разновидность блазня, но с той оговоркой, что покляп толком не умеет управлять силой ворожбы, а потому не просто злоупотребляет своим даром, но еще и вредит, например, спалит что-то или затопит поля дождями и тому подобные случайные проделки. В последние годы по всей Вервине расплодилось много блазней и покляпов, зарабатывающих на жизнь своим искусством, как это стало прилично в народе называть, и все бы ничего, но их число создало проблемы, не позволяющие в должном количестве рождаться новым ворожеям или развивать свои навыки уже опытным. Юные блазни, едва освоив простые вещи, бежали из Кругов в города и деревни, развлекавая или дуруя там народ, и вели распутный образ жизни и в целом пользы не приносили, тем не менее народ их любил и покрывал. Определенная часть общества считала, что будущее ворожбы именно в подобном воплощении, но никак не в превращении силы Большого мира в оружие.

Когда проблема стала критичной, все чаще начали звучать идеи, что нужно принимать самые суровые меры по борьбе с не просто бесполезными, но вредными ворожеями, и тогда Великий Круг принял решение, поддержанное главой армии Волваром, о необходимости формирования боевой группы по отлову и истреблению блазней и покляпов, дабы открыть путь новым ученикам и дать шанс укрепить знания опытным. Около двух лет назад они собрали шестнадцать сильных ворожеев, спустя время разделив на группы по два человека, которым давались наводки по местоположению блазней. Охотников на блазней стали называть Мороками. Почти сразу же Мороки обрели дурную славу в народе: их боялись, ненавидели, презирали. Одного Морока смогли даже убить, а чуть позже еще один Морок погиб в сражении с чуром: лесным чудищем, мощным, покрытым шерстью, с острыми когтями, обитающим в основном в холодных частях. (Чур примерно в два с половиной раза больше человека, намного сильнее и заметно быстрее. Это чудище искусственно создано и осталось из Второго мира). Именно тогда Мороки стали путешествовать по двое, хоть это и стало огромным расточительством, посылать двух боевых ворожеев за одним-двумя блазнями, но риски требовалось учитывать. Про Мороков ходили слухи, будто они сами едва ли не чудища, ездят только на вороных лошадях, закованных в черную броню, носят длинные черные кожаные плащи с капюшонами, на руках стальные наручи и перчатки с когтями, и будто глаза их горят огнем, а ворожба страшнее любой, виданной ранее. Этот фольклорный образ нравился главе Великого Круга, и он с радостью усиливал эти слухи и культивировал образ все более страшных посланников смерти, благодаря чему настоящие Мороки ездили по землям под видом солдат и внимания не привлекали. Помимо того, самых трусливых блазней встреча с потенциальным чудищем, рыщущим строго в поисках их, отпугивала, и они бросали свое дело, чем сохраняли себе жизнь, постепенно растрачивая силы без практики.

Каждый год Въялица считалась идеальным днем для охоты на блазней. Многие люди, порой даже из самых низов, все равно старались пригласить на торжество ворожея, чтобы он показал чудеса и развлекал гостей, это придавало вес торжеству, а где и вовсе считалось залогом успешного брака, скрепленного силой ворожбы. Иные полагали, что после такой свадьбы у молодых непременно родится ворожей, но на самом деле с этим не существовало никакой связи, и даже у самих ворожеев крайне редко дети получали такую же способность.

Гарипу и Хельмуту выпало уже привычное им направление в сторону Сланы, в окрестности которой их чаще всего отправлял Круг. За время пути они уже убили двух блазней, и сегодня их ждал как минимум один на свадьбе и еще двое рядом с городом. Это хороший результат для столь короткого отрезка времени и почти что одного места. Блазни знали, что на свадьбу за ними могут явиться Мороки, но каждый раз им казалось, что они почувствуют приближение другого ворожея, впрочем, это заблуждение, только сильные ворожеи могут пола-

гаться на чутье и интуицию, иные же редко могли развить свой разум до таких способностей. Тем не менее, вера в собственные силы часто оказывалась губительной для неподготовленных ворожеев.

Все Мороки – в первую очередь не только охотники на блазней, но и солдаты, формирующие отдельную боевую группу, при необходимости способную уничтожить вражеских солдат, не вступая с ними в прямой контакт. Общее количество боевых ворожеев Вервины равно сорока, шестнадцать из которых все время заняты своим смертоносным ремеслом. Еще есть около девяноста ворожеев, кто в разной степени владеет навыками, но применяет их в других областях, таких как дипломатия или инженерное дело, либо является Ваном, только осваивая боевые способности. Число блазней и покляпов оценивают примерно в полторы-две сотни человек, но главная беда в том, что количество их время от времени пополняется, а охота на того или иного может продолжаться неделями, а порой и месяцами. В прежние времена одних боевых ворожеев было около ста пятидесяти человек, что обеспечивало непобедимость армии. Однако с тех пор, как начал царствовать Верзит Смелый, сын Хектора Стены, все начало меняться.

Хельмут родился в самом дальнем восточном городе Вервины, носившим название Соловец. Когда ему было четыре года на престол взошел Верзит, прозванный народом Смелый, преимущественно за смелость в делах, идущих наперекор тем идеям, которые поддерживал его отец. Даже во времена Хектора, правившего народом, не знавшим войн, возникали очаги недовольства касаясь ворожеев. Народ считал, что ворожеи получают слишком много привилегий, а в Круги уходит слишком много налогов, они полагали, что это избыточно, однако Хектор, военный человек, всю юность потративший на сражения на юге континента и давший слово сохранить Вервину крепкой и нерушимой, нещадно давил любое инакомыслие и карал не только бунтарей, но и баламутов. Но когда он скончался, получив смертельное ранение в тренировочном бою прямо в своей крепости Вельмир, сын принял Вервину и дал ей новый путь. Приняв правление, он спустя некоторое время произнес свое великое: «Войны закончены». После этого начался период реформ и наступления небывалых до того свобод.

Первыми на себе это ощутили ворожеи. Было принято решение сократить их число на пару десятков человек, убавить им жалование, лишить некоторых преимуществ и мест в армии. Великий Круг и подчиненные ему Средние и Малые Круги получали все меньше налогов и переходили на частичное либо полное самообеспечение, часто уходя под контроль местных городских правителей, тогда как и сама Вервина начала приобретать черты дробления с усиливавшимся влиянием кланов, что в скором будущем негативно сказалось на сборах налогов и упадке сельского хозяйства из-за стычек глав городов и других мелких правителей, что загоняло в бедность простых людей, сформировав даже для таких слоев определение – беспроторица. Люди из беспроторицы бросали свои селения и бежали в города в поисках лучшей доли, оставляя земли пустовать.

Юный Хельмут попал на обучение в Круг в городе Опаница (самый северный из всех поселений Вервины) в шесть лет, после гибели его семьи. Еще через четыре года ворожеев лишили собственной формы и знаков отличия, чтобы они видом своим не раздражали народ и чиновников разных мастей, по-прежнему недолюбливающих их и требующих сокращения расходов на Круги. Верзит смело шел навстречу пожеланиям своих подданных, как говорят, преследуя идею изменения самой сути ворожбы, ее предназначения. В то же время многие ворожеи уезжали из Вервины и поступали на службу в другие земли, за что их клеймили изменениями, а самих ворожеев презирали все больше.

На фоне происходящих процессов все сильнее ухудшалась система обучения. Несколько Кругов были вынуждены закрыться из-за нехватки средств, еще два Круга оказались разграблены и разрушены восставшим народом, в итоге за это никто не был наказан. Чтобы выжить, Круги начали брать деньги за обучение ворожеев в обход правил, сперва осторожно, а потом

и в открытую, при этом стараясь давать лишь поверхностные знания, но большинству этого хватало, чтобы устроиться в мире и стать тем ворожеем, которого любят в народе. В это же время уже взрослый Хельмут, изначально планировавший избрать путь дипломата, перешел на военную службу, прилагая огромные усилия для развития разума и освоения боевых навыков. Для того, чтобы закалить силы он четыре года провел в путешествиях, собирая знания по центру и западу континента, и вернулся в Вервину Перитом, и еще через несколько лет достиг уровня Мастрота.

Упадок образования и контроля за ворожеями породил недовольство иных Кругов по всему континенту. Несмотря на то, что преимущественно большая часть ворожеев рождалась именно в Вервине, по причине скопления камней на ее землях, и это напрямую мало влияло на количество рожденных ворожеев в других местах, общий баланс тем не менее нарушался и это приводило к повсеместному ослаблению. Круги из других земель всегда призывали иметь десять, но сильных ворожеев, чем триста, но никчемных блазней, своей слабостью и многочисленностью рушащих порядок и не поддающихся контролю. Прежде Круги по всему миру исправно поддерживали связь, а Великий Круг Вервины брал на себя ответственность по полному надзору над числом и знаниями своих ворожеев, теперь же все выходило из-под контроля и иные Круги выражали недовольство «Хранителям камней», порой разрывая с ними отношения и признавая Великий Круг из Рестонии новым главой, постепенно исключая Вервину даже из переписки. В первые годы дело доходило даже до Правителей, и Верзиту Смелому писали его «братья», как он звал Правителей других государств, с просьбой разобраться, но чаще все ограничивалось лишь указами, которые уже никто не исполнял, а ненависть к ворожеям росла, так как отныне народ полагал, что упадок качества их жизни связан с тем, что ворожеи тайно получают еще больше, чем получали прежде, и число их в действительности премного велико.

В Вервине доминантными становились институты торговли и политики, отодвигая армию назад, и всякий раз добиваясь новых уловок и подходов к Верзиту, чтобы он все время перераспределял финансы и направлял их на другие направления. Важным аргументом, сочившимся от низов беспроторицы до вершин кланов, было то, что Вервина ни с кем не воюет, никто уже не помнит последнюю войну и зачем тогда столько сил и средств тратить на это, когда есть другие возможности, а в других государствах ждут новых форм отношений с зачухшей на своем севере Вервиной.

Последним поводом, вынудившим боевых ворожеев уйти в тень, стало народное движение, декларировавшее, что именно боевые ворожеи погубили Второй мир и если не прекратить это поощрять, то они же погубят и Третий. Это течение стремительно набирало оборот и иногда принимало крайне резкие формы, доходя до насилия и погромов. Правитель Верзит старался осторожно лавировать на мнениях масс и своих приближенных, а также армии, не запрещая движение, но и не одобряя. Он негласно оставил это непопулярное решение на откуп войск. Тогда уже войска лично давили восставших. Таких обычно ждал трибунал, про которые Верзит предпочитал не знать. Последней каплей народной ненависти стали Мороки. Кто-то считал их вымыслом, кто-то верил, кто-то боялся, кто-то нет. Полумиф, гулявший в народе, тем не менее наводил трепет, и любой, кто желал смерти боевому ворожею, не хотел бы встретить его в реальной жизни и повторить это вслух. Все это сделало основную силу некогда непобедимой армии тайным оружием, сросшимся с основными войсками, и те, кто помудрее жили в тревожном ожидании от мыслей, что же произойдет, если новая война все-таки случится.

Приближаясь к землям Сланы, Хельмута и Гарипа нагнали шестеро человек на лошадях и потребовали остановиться.

– Куда скачите, солдатики? – фамильярно спросил немолодой, пухлый мужчина в армейских, потасканных доспехах, с пропитым лицом и кривым глазом, улыбаясь желтыми зубами. Спутники его выглядели примерно так же, но некоторые чуть хуже, даже если были моложе.

– Тебя ничего не смущает? – спросил Хельмут.

– Не понял.

– Перед тобой два офицера армии Вервины, дубина. Ты ослеп что ли?

– Ах! Да, да. Вот досада. Зрение, знаете, подвело. Глаз плоховато видит, – отвечал человек с нескрываемой насмешкой. – Мы тут очень уважаем офицеров, правда! Ну так вы уж, ваша милость, меня извиняйте за грубость, а все же позвольте спросить, куда путь держите? Мы патрулируем тут, знаете ли, окрестности, мало ли здесь проходимцев, хоть бы даже и в форме. Форма нынче ничего не говорит, форму можно и украсть, можно и с трупа снять. Ну, так куда скачите?

– Мы едем на свадьбу, – спокойно отвечал Хельмут.

– Ха, ну конечно-конечно, Вьялица же! Праздничек! Все едут на свадьбу куда-то.

И откуда вы будете, ваша милость?

– Из Вирмы.

– О, да вы столичные ребята! Далековато вас занесло. А ведь по вам сразу видно, что столичные, что деньги есть.

Вся шайка одобрительно начала качать головами и одобрительно гудеть, как бы подтверждая утверждение своего командира, что гости не из бедных будут. После такого дружного одобрения гостям будет крайне неловко оправдываться и строить из себя бедняков, во всяком случае уловка предполагала именно такое развитие.

– Чего надо? – все так же спокойно спрашивал Хельмут, хотя понимал что им надо и к чему идет разговор, но все еще надеялся обойтись без драки.

– Хм, ладно, не буду тянуть. Мы собираем налоги за проезд по нашим землям.

– Даже с офицеров армии? И кто собирает, и куда идут налоги?

– А вот это не твое дело, солдатик, – прохрипел другой человек и вытащил топор. Остальные повторили за ним и все шестеро всадников обнажили оружие.

Хельмут устало посмотрел на них и спросил:

– И сколько стоит проезд?

– Вот это другой разговор, голубчики, другой разговор. Проезд обойдется в четыре... нет, в пять златников.

– С каждого! – прокричал другой.

– Да, с каждого, – повторил главный.

Хельмут и Гарип переглянулись, и немного подумав, Гарип сказал своему спутнику:

– Нет, это слишком дорого.

– Согласен. Мы не будем платить, – сообщил всем Хельмут.

– Так даже лучше, – ухмыльнулся главный, и лягнув лошадь, успел рвануть вперед, но спустя мгновение Хельмут картинно вскинул левую руку и противника отбросило назад мощным ударом, точно его сбил огромный поток воздуха.

Враг отлетел к дереву и неудачно ударившись о него упал и сломал спину.

– А-а-а-а, ворожеи! – завопили сборщики налогов и хотели броситься в рассыпную, но теперь уже Гарип использовал заклинание и прошептав его, навел пугающую лошадей иллюзию, наполнившую пространство массой зеркальных фрагментов, искажающих все вокруг и пропитанную густым туманом с примесью отравляющих газов. Животные запаниковали, стали метаться, истошно ржали, выпучив глаза, и в итоге сбросили своих всадников.

Больше Мороки не тратили силы на заклинания, и добились остальных мечами, а те от страха едва смогли сопротивляться. Временно живым оставался главарь, лежавший с поломанной спиной и просивший добить его, параллельно переходя на проклятия в адрес ворожеев.

– Кто собирает налоги? – спросил Хельмут.

– Это Рыц, посадник Сланы, – прохрипел умирающий.

– Хм, этому-то чего не хватает? – заметил Гарип, взглянув на Хельмута. Тот негодуяше покачал головой.

– Пожалуй, можно будет заглянуть к нему. Я давно хотел с ним встретиться.

– Не стоит, Хельмут, это не наше дело. Нужно будет попросить Волвара, чтобы он прислал сюда целый батальон, желательнее под командованием Харалуга, он такое любит. Видимо, местная армия служит не тем целям, – сказал Гарип.

– Ну, а ты кто, бывший солдат, да? – снова обратился Хельмут к грабителю, ничего не ответив Гарипу.

– Да, – сквозь зубы цедил грабитель, изнывая от боли.

– Мы облегчим твои муки, – равнодушно сказал Хельмут и воткнул в него клинок, принадлежавший самому главарю.

Оттащив трупы подальше от дороги, Мороки двинулись дальше.

– Рыц, вот скотина. Всего несколько лет, как посадник, а так запустил этот край. Помню, я посещал эти земли лет шесть назад, тогда здесь был порядок, не то что теперь. Сколько не крутимся здесь, все время что-то идет наперекос, – негодовал Гарип.

– Да, я много слышал о нем, как о посаднике. Плохого, как ты понимаешь.

– Ведь он же родственник Верзита, правда?

– Да, правда. Я хорошо помню его еще ребенком, он всегда был алчным и злым. Я очень удивился, когда Верзит посадил его на это место, хотя он был совсем еще юным, не имея ни опыта ни права править.

– Напомни, что случилось с прошлым посадником? Насколько я помню, это был хороший мужик.

– Женщина. Это была женщина. Я хорошо знал ее. Она правила жесткой рукой, но была справедлива. Верзит просто убрал ее одним приказом, а Рыц... он потом подстроил что-то и ее убили здесь же, в Слане. Он боялся ее. Я приезжал на ее похороны, и уже тогда ощущал, что этот край ждут темные времена.

– Точно! Я позабыл детали, оказывается. Не понимаю, что двигало Верзитом... Так хотел угодить племяннику или кому-то из своего клана?

– Я тоже многого не понимаю, Гарип.

Хельмут замолчал, опустив голову и сомкнув губы. Гарип догадался, что ворожей не хочет обсуждать эту тему, словно она наносит ему какую-то личную травму, а потому предпочел сменить тему.

– Это был Кик? – спросил Гарип, имея в виду заклинание, которым Хельмут отбросил первого противника.

– Да, Кик.

– Ты призываешь его с Мари?

– Да, я чувствую на Мари огромной мощи ветра и ураганы, Кик откуда такой силы, что я почти не напрягаюсь. Люблю Марь.

– И ты даже рта не открыл, чтобы его произнести?

– Мне достаточно произнести про себя, для такой силы достаточно. Если бы я хотел призвать ураган, наверное, пришлось бы открывать рот.

– Мастрот, что тут скажешь, – важно, но с улыбкой заметил Гарип и оба слегка рассмеявшись поехали вперед.

Прошло не более половины минуты, как тишина оказалась нарушена.

– И хоть бы раз все прошло гладко, – как бы сам с собой разговаривая произнес Гарип.

– Я помню времена, когда все было гладко. Лет тридцать назад.

– Помнишь? И сколько тебе было тогда? – смеясь спросил Гарип.

– Больше, чем тебе, уж точно.

Они снова некоторое время ехали молча, пока на горизонте не показалось место, по описанию похожее на Заполицу. Они притормозили лошадей, разглядывая поселение издали после чего медленно двинулись дальше.

– Может не вовремя, но я вот что хотел спросить: почему ты возишь с собой второй меч, но никого им не убиваешь? Я вообще не помню, чтобы ты его использовал по назначению.

– Почему? Использовал и не раз. Но вообще это подарок Вейи. Я вроде как ценю ее... убеждения.

– Тебе не кажется противоречивым, что женщина, так яро ратующая за дипломатию и не признающая насилия подарила тебе меч? Что она хотела этим сказать? Может это обратный намек? Ну, понимаешь?

– Это не твое дело, Гарип.

– Ха, ладно, не хочешь говорить – как хочешь.

– Да просто я сам не знаю для чего она мне его подарила, – слабо посмеявшись ответил Хельмут.

Спутник в голос рассмеялся в ответ, но раз уж разговор пошел, решил задать еще пару вопросов об интересующем его оружии.

– Он ведь зачарован пылью этот меч?

– Да, Вейя даже имя ему придумала. Рачина. Так она его назвала. Его зачаровали кузнецы из Скалavy, когда она была там с посланием от правящего двора. Это очень удобное оружие, попробуй при случае подержать его в руках. Совершенный баланс и вес, крепкая сталь и, наверное, самая лучшая рукоять, которую когда-либо обнимала моя ладонь.

– Ты такой поэтичный, Хельмут, когда говоришь об оружии или женщинах, – шутил Гарип, – может ты не тем занимаешься в жизни?

– Может быть.

– А что? Сочиняли бы оды, ставили спектакли на праздниках, с Правителями да кланами якшались. Жили бы идеально, а не вот это всё, – развел руками Гарип, указывая на подтаявшую дорогу, голые деревья и почерневший снег.

– Подумаю над этим, Гарип. Обязательно подумаю, – без интереса отвечал Хельмут.

Гарип снова решил вернуться к более приятной для спутника теме и спросил про меч:

– Это же та самая редкая пыльца Ятима, ей он зачарован?

– Да, Ятимой, – охотнее отвечал Хельмут. – Я обращаюсь к Мари перед боем, и при взмахах образуются вихри (как-нибудь покажу), противников разбрасывает, но велик шанс, что они не умрут. Представь себе, что ты орудуешь гигантской и быстро вращающейся ветряной мельницей. Потрясающий эффект.

– И правда, что Ятима не разрушает оружие со временем?

– Да, Ятима не вредит стали.

– Главное преимущество! Мой клинок зачарован Вирой, и всякий раз как я вызываю огонь для него, всем телом чувствую, как он страдает. За год-полтора Вира разрушает клинок. Если использовать не часто, как ты понимаешь.

– Мой второй клинок тоже зачарован Вирой. Пыльца из вулкана в Засекских горах, кстати, я родился там недалеко. Я назвал клинок Востра.

– Ты теперь всему оружию даешь имена? – рассмеялся Гарип.

– Так делали ворожеи во Втором мире. Это дань традиции. Наверное. Если мы эту традицию правильно понимаем.

– Хм, я не знал. Подумаю над этим, может даже назову свой меч...

– Мы на месте, – перебил его Хельмут и остановил лошадь.

Перед Мороками открылось изящное по своей красоте место. Горы вдали придавали объем красивому, заснеженному ландшафту, в ледяных глазницах озер поигрывал свет от под-

нявшегося над горизонтом Багреца. Людей собралось много, часть из которых спешили на ярмарку, иные прибывали на свадьбу. Здесь играли не менее трех свадеб за раз, и всех должен был развлекать один блазень, поочередно перемещаясь между торжествами. Так и людям дешевле и ворожею выгоднее. Мороки двинулись вперед, обгоняя пеших и внимательно рассматривая округу. Все выглядело спокойно, обыденно, намечалось большое и долгое веселье. Кто-то уже успел поднабраться с утра, другие устраивали шумные игры, продавали все что ни попадя, и то и дело норовили прицепиться с предложением к двум солдатам, не отличая офицеры они или рядовые, главное, что выглядели не бедно. Помимо Гарипа и Хельмута здесь попадались люди в военной форме: кто-то следил за порядком, иные отдыхали, поэтому эти двое особенного внимания к себе не привлекали. Спустя немного времени они оставили лошадей у постоялого двора, устроились на скамье при одном трактире, откуда хорошо виднелось сразу две свадьбы, поодаль друг от друга.

– Видишь блазня? – спросил Хельмут.

– Пока что нет.

– Но он определенно где-то есть.

– Чутье не помогает?

– Нет. Видимо он пока ничего не совершает, скорее всего пьет или девок веселит обещаниями. Ладно, смотри во все глаза по сторонам, особенно за той, дальней свадьбой, а я пригляжу за этими.

Хельмут внимательно рассматривал гостей на свадьбе, глядя то на одну толпу, то на другую. Оба праздника походили друг на друга и если не знать, могло показаться, что люди на общем обряде. Даже наряды, подобранные гостями, выглядят одинаково. Женщины и мужчины носили элементы одежды, содержащие фрагменты Ижаррецкой росписи, а иные использовали южную роспись Тгаль, со сложными плетениями и узорами, которую давным-давно придумали в поселениях на юго-востоке. Только в тех местах умели создавать роспись в самом лучшем ее воплощении, откуда торговцы развозил ее по всей Вервине, а в случае же Заполицы роспись просто копировали, в целом довольно неплохо. Эта роспись использовалась в оформлении столов и стен как снаружи, а также и внутри. Между тем на столы уже подавали пироги с птицей и ягодами, сбереженными с лета, разливали популярную в Вервине цежь, в виде густого напитка из ягод, подавали пиво и брагу, для молодых доставили шерт – хмельной напиток, традиционно выпиваемый как на свадьбах, так и при заключении сделок. Принятие шерта считалось чем-то вроде договора, нарушить который было не то чтобы нельзя, но крайне нежелательно, так как это повлекло бы за собой непонимание со стороны общества. Все решенное с шертом обретало «каменную» форму.

Обведя глазами окрестность от земли до неба и теперь рассматривая гостей, Хельмут перевел взгляд на молодоженов. Совсем юные парень и девушка выглядели безмерно счастливыми, нежно обнимаясь и с любовью глядя в глаза друг другу. Сильный разум Мастрота страдал во многом от того, что память его крепкая и цепкая, как колючее растение: что поймало в свои объятия, то уже не упускало. Он помнил, как будучи молодым ворожеем, Ваном, встретил Вейю, которая была младшего его, но в силу происхождения уже оказалась приближена ко двору Правителя и росла с твердым намерением стать дипломатом, поддерживая новый путь Верзита и продолжая дело отца. Поддавшись обаянию Вейи, Хельмут страстно хотел той же карьеры, чтобы всегда быть рядом. Но как бы ни была сильна любовь, некоторые обстоятельства вынудили молодого Хельмута начать сомневаться в избранном пути и все чаще использовать силу боевой ворожбы, к которой у молодого человека прослеживался не дюжий дар и Великий Круг помогал ему с этим. Однажды пути Вейи и Хельмута разошлись настолько, что девушка сообщила, что они не могут быть вместе и ворожей принял это решение, не подавая вида, хотя рана от того болит до сих пор. Прощальный подарок – меч Рачина – часто напоминает ему о ней, но как бы ни была сильна его любовь, он не может уйти от своего предназна-

чения и делает то, что умеет лучше всего. Всякий раз, глядя в небо, он вспоминает ее голубые глаза, вспоминает, как она научила его любоваться красотой чистого небосвода, и оттого ворожею было легче смотреть на пару счастливых молодожёнов, нежели на небеса, сильнее всего напоминающие о ней.

За столом одной из свадеб возникло оживление. Люди поднимались с места, кто-то вскочил и упал с лавки, иные двинулись поближе к тому, кто вызвал всеобщую суету. Это, конечно же, появился ворожей-блазень. Он запрыгнул на лавку, что-то громко вещал, видимо представляя себя и рисуясь перед гостями. Он выхватил со стола кубок с дешевым и паршивым вином и жадно его осушил, жестами предлагая скорее наполнить ему второй. Артистизма молодому блазню было не занимать. Симпатичный парень с белыми длинными волосами, спадающим из-под шляпы, в щегольском цветном теплом костюме и неплохих сапогах начал представление с самого простого заклинания и поднял в воздух пару посуды, часть из которых разбилась когда он возвращал их обратно, но гости лишь засмеялись. Взмахивая руками и изображая усилия, будто он что-то создает (чего на самом деле не требовалось), ворожей вызвал огонь, неловко пальнул им в сторону и поджог один из столов. Реакция гостей оказалась неоднозначной, но в итоге все сгладилось и ворожей получил порцию благодарности. Прежде чем его усадили за стол, он показал еще несколько трюков и обещал продолжить после того, как вернется от гостей со второй свадьбы, в нетерпении его ожидавших. Блазень выпил еще кружку пива напоследок, и раскрасневшись, и раскланявшись, собрался уходить.

– Когда мы еще охотились за ними в одиночку я как-то выискивал одного блазня и вышел на его след в деревне за Большаком. Я отставал от него на один день, но когда нагнал, выяснилось, что он в пьяном бреду что-то бормотал, да видимо вызвал огонь и сам себя поджог. Представляешь? Разве возможно такое?

– Да, кажется, возможно. Разум, со всеми его превратностями, все равно с нами, хоть даже и затуманенный. Поэтому нормальные ворожеи не пьют. Хотя бы много не пьют. А этот парень рискует пойти тем же путем.

– Да, это натуральный поклап. Но обещанный лебедь из огня хорош, я почти поверил при моем-то богатом воображении, – прокомментировал Гарип, наблюдая за тем, как ворожей неумело обращается с силой заклинания Вир, совершая новые попытки.

К этому времени Мороки смешались с гостями и чуть поодаль наблюдали за представлением, для вида даже хлопали в ладоши, когда неуклюжее пламя вновь и вновь возникало в руках ворожея.

– А ты слышал, как он использует Вир? Как он произносит? Что за «кхъвирь»? Да еще и орет как торгаш на рынке в Тирверии. Заклинания говорят шепотом, с придыханием, едва слышно, а лучше вообще призвать про себя. Этому же учат с самых основ, – как старик негодовал и бухтел Хельмут.

– Этому учили когда-то. Теперь чур его знает, чему и как их учат. Это-то небось свежий выпускник. И осилил, наверное, два-три заклинания, те, что эффективнее и попроще.

– Я думаю этот около года-двух назад начал заниматься. На одежду и сапоги накопил, образ проработал, речь поставил. Для этого нужно время. Что-что, но свое поганое дельце знает, я видывал экземпляры и похуже.

– Может этот не из бедных, а силу использует для развлечения и привлечения женщин. Без ворожбы, небось, не получается, ха-ха-ха. Ох, молодо-зелено.

– Так или иначе, его время вышло, – произнес Хельмут, видя, как ворожей раскланялся и пошел в сторону другой свадьбы.

Он неспешно ступал, насвистывая под нос местную народную мелодию, был расслаблен и весел. Но стоило ему буквально на мгновение ступить в проулок между парой изб, пропав из виду, ворожей ощутил тревогу. Каким бы дрянным носителем силы он не был, глупым его все равно не назовешь, а вместе с тем и интуиция худо-бедно, но работала. Он занервничал,

ускорил шаг, чтобы скорее показаться на видном месте, как из-за одной избы ему на встречу вышел высокий, бледный человек в форме офицера.

– Отличное ты дал представление! – воскликнул он, широко улыбаясь. – Правда, я был так поражен – глаз не оторвать! Молодец!

Блазень испугался резкого появления незнакомца, но услышав комплимент несколько расслабился, да не успел ничего сказать в ответ, как позади возник Хельмут и положив руку на плечо, наложил на него заклинание Извет, на короткое время одурманив разум блазня. Тот, не в силах сопротивляться мощи Мастрота, упал, и Хельмут подхватил его сзади за шею и задушил. Гарип достал бутылку с дешевым вином, открыл и бросил ее рядом с телом.

– Выглядит почти естественно, – заметил Гарип, – перебрал молодец и двинул кони.

– Даже если бы мы его насадили на меч выглядело бы естественно. Все знают про Мороков, – отвечал Хельмут и оглядывался по сторонам, убеждаясь, что их никто не видел.

– И все знают, что Мороки убивают не иначе как оружием. Что ж, тогда этим телом мы не запятнали свою славу, он ушел сам. Если это можно назвать славой, как считаешь?

– Пойдём отсюда, – только и бросил Хельмут.

– Легкого пути в Большой мир, дружок, – напутствовал напоследок Гарип, придерживавшийся распространённого поверья, что после смерти энергия любого существа уходит в Большой мир.

Они осторожно отошли от места убийства, и чтобы не вызвать даже намека на подозрение, вернулись к людям и как ни в чем не бывало сели на скамью с краю, вступив в разговор с сильно пьяным стариком.

– Знаешь, мне даже их жаль иногда, – сообщил Гарип, когда старик закончил вещать и упал лицом на стол.

– Пьяниц?

– Нет, блазней.

– Ворожба – это не только дар, но и наша защита, нельзя ей злоупотреблять.

– Не переходили бы черту, были бы живы.

– Знаю, знаю. Но все равно жаль. Ничего плохого ведь в целом не делают. Что если мы слишком суровы с ними?

– Это все ради Вервины.

– А вот скажи, ты чувствуешь что-нибудь? Вот мы убили его и стало больше высвободившейся силы? Есть что-то? Я вот ничего не ощущаю.

– Я не чувствую. Когда я последний раз медитировал, тоже ничего нового не почувствовал. Силы по-прежнему мало, видимо блазни совсем слабы, и их смерть почти не упрощает нам задачу.

– Либо блазней слишком много. Иногда я начинаю сомневаться правильный ли путь мы проходим и может дело не в блазнях.

– Немного отдохнем и в дорогу, у нас еще двое на сегодня, – закончил разговор Хельмут.

Когда тело нашли и поднялась суета, Мороки пошли за лошадьми, удаляясь от народных толп. На них действительно никто не обращал внимания и они естественно сливались с толпой. Перед этим они еще неторопливо поели, отведав местной рыбной похлебки и пирогов на пресноватом тесте и выпили по стакану кисло-сладкой цежи.

– Поспать бы после такого, – заметил Гарип.

– Если рано управимся, поспим сегодня на постоялом дворе. Надеюсь, не придется ловить их до рассвета.

Они седлали лошадей, когда позади послышался старческий голос.

– Замечательная работа судари Мороки. Люди уже оплакивают усопшего пьяницу-ворожея.

Хельмут быстро обернулся и первым делом огляделся, рядом никого постороннего не наблюдалось, только человек, с виду не такой старый, как его голос. Пред ним предстал чуть ниже среднего роста мужчина, с треугольной бородкой, испещренной сединами, уставшим лицом и умными, карими глазами. На нем надет дорогой камзол, на поясе короткий клинок и на руке драгоценный перстень с черным камнем.

– Здесь никого нет, я бы не стал звать вас Мороками и раскрывать личности будь рядом хоть глухой. Я же не глупец и знаю правила.

– Что ты здесь делаешь, Ярец? – спросил у него Хельмут, узнав в нем бывшего преподавателя из Большака, а в последствии члена Малого Круга из Сланы, ныне не существующего.

– Шпионю в этих местах, выискиваю блазней. Именно от меня идут наводки по этому краю.

– Я знаю, что ты собирал информацию, но я думал ты теперь все больше обитаешь ближе к столице. Тем не менее, рад видеть, – сообщил Хельмут, но в голосе особенной радости не звучало.

– Так вы знакомы что ли? – удивленно спросил Гарип.

– Мы знакомы, – подтвердил Ярец. – Я помню Хельмута еще молодым ворожеем с амбициями и горящими глазами. Да-а-а, как же быстро пролетело время.

– Да уж, теперь-то у Хельмута глаза поугасли, а амбиции и подавно, – в шутку заметил Гарип, но никто не засмеялся, и он умолк.

– Мы познакомились в Круге близ Большака. Ты же там преподавал?

– И не только там. Но да, до сих пор иногда там появляюсь, хоть дела у Круга плохи. Но времена поменялись, времена другие. Прошрое неозвратно, как бы мы того не желали.

– Полагаю, ты искал нас? – перешел к делу Хельмут.

– Да. Собственно, по этой причине я к вам и пришел. Моя наводка на трех блазней в этой округе оказалась немного ошибочной, прошу меня извинить. Одного вы убрали, это безусловно хорошо, но вот двое других разъехались в разные стороны, вопреки первоначальному плану. Они должны были оказаться на одном мероприятии вместе, причем один гостем, а другой – фокусником.

– И куда они отправились?

– Первый блазень взял курс на Ладану. Местный посадник пожелал, чтобы именно этот парень развлекал их на празднике по случаю свадьбы дочери его сестры и дал много денег. Это редкий блазень, знающий заклинание Зрак. Не то чтобы уверенно, но кое-какие иллюзии наложить может, поэтому его манят то туда, то сюда. И да, путешествует он с небольшой группой охраны.

– Второй?

– Второй – это противник поопаснее, вернее хитрее. Простите, что не сообщил сразу, но этот малый сколотил настоящую банду и засел в лесах, он зовётся Соловьем, потому что издает громкий свист, который валит с ног даже лошадей. Люди твердят, будто это ворожба.

– Ты же понимаешь, что это чушь? Нет никаких заклинаний со свистом.

– Я просто делюсь той информацией, что собрал. В любом случае, это не просто блазень, а главарь шайки, которая промышляет грабежами и убийствами. Они были в городе несколько дней, собирались гостить на свадьбе, но сейчас они вернулись обратно, это севернее, в сторону истока Валки, где проходят пути от порта на Слану. Говорят, там пройдет торговый караван полный дорогих товаров, поэтому они сорвались с места как дикие собаки.

– Армия здесь вообще чем занимается? – спросил Хельмут. – Одно дело блазни, которые развлекают публику, но бандиты...

– Посадник имеет с этого монету, вот и помалкивает. Здесь это процветает. Это неспокойный край вот уже много лет. Прошрое, Хельмут, ушло, Вервина очень поменялась.

– Мы заметили, – сказал Гарип.

– Это все что я знаю. Пока что Соловей должен быть на месте, раз поехал за добычей. Второй около трех часов назад взял путь на Ладану.

– Разделимся, – предложил Хельмут Гарипу.

– Да, я за Соловьем, а ты за иллюзионистом.

– Наоборот, – твердо сказал Хельмут.

– Ладно, чур с тобой, так и знал.

– У тебя лошадка резвее, ты их скорее нагонишь. Да и следопыт из тебя прекрасный.

– Ладно уже, хватит твоих комплиментов. Как всегда, мне самое унылое достается.

Попрошу в Круге себе другого спутника.

– Гарип, угомонись.

– Да шучу я, шучу, – поднял руки Гарип и показывал успокаивающие жесты.

– Я сообщу в Круг, что планы изменились, – сказал Ярец.

– Не беспокойся, мы сами сообщим, когда закончим. Ладно, Гарип, встречаемся здесь же на закате. Если что-то пойдет не так, ждем друг друга на постоянном дворе, где сегодня ночевали. Удачи!

– До скорой встречи! – бодро ответил Гарип и оседлав лошадь отправился в путь.

Хельмут, в свою очередь, с азартом поехал искать этого Соловья. Ему очень хотелось узнать, что же это за чудо такое, и какие заклинания он использует, быть может это подкинет новых знаний, о которых прежде в Вервине никто не знал, вдруг этот блазень иноземец, такие редко, но попадались. Впрочем, в эту версию он сам верил с трудом, хотя и понимал, что что-то здесь не так.

Ярец предоставил предельно точные сведения о наиболее вероятном местонахождении цели, объяснив, где и куда свернуть и как ориентироваться по дороге. Для верности Хельмут дважды спрашивал дорогу у местных жителей и направление пока оставалось логичным вплоть до одной развилки. Ярец сделал на ней особенный акцент, рассказав про кратчайший путь через лес, которым пользуются торопливые купцы и разные крестьяне, желающие сократить путь к порту, когда следуют туда на ярмарки. Дорога в обход глухой части леса добавляла примерно полдня пути, а почти забытая, не сразу заметная дорога через чащу хоть и выглядела пугающе, время от времени подтверждая дурную славу, являлась очень удобной и довольно спокойной большую часть времени. Прежде эти места были населены людьми, потому тропы и развилки хоть и оказались заброшены, но окончательно не забыты, ведь удобства у них не занимать, пусть и с риском нарваться на неприятных людей. Хельмут чувствовал подвох, но развернуться уже не мог, и уверенный в своих силах направил лошадь вперед, и та, несколько колеблясь, пошла.

По всем признакам Ярец не ошибался, так как по всей длине тропы отчетливой виднелись свежие следы лошадей и пеших людей, но не телег. В лесу оказалось чуть холоднее, но там же лежало меньше снега и дальше следы оказались почти не различимы на мерзлой земле. Хельмут никогда не блистал навыками следопыта, больше полагаясь на чутье, и в целом один навык с допустимым риском и простительными ошибками заменял другой.

Проехав совсем немного вглубь, Хельмут увидел разоренное захоронение. Он остановил лошадь, слез с нее и подошел к небольшим курганам, вокруг которых творился настоящий хаос. Погребальные камни оказались выкорчеваны, побиты, на некоторых сколоты надписи. Всего шесть могил подверглись разорению, в том числе сами невысокие курганы кем-то затоптаны, композиции из камня разбросаны, а в землю воткнуты деревянные клинья с вырезанными бранными фразами. Это могилы шести ворожеев из окрестностей города Слана. По надписям значилось, что они погибли сто сорок два года назад во время войны с Рестонией. В той битве рестоныцы были разбиты и отброшены, но то сражение унесло много жизней и таких курганов по Вервине создали около шести штук. И вот теперь жители окрестных поселений их зачем-то разорили. Они писали гневные слова, проклинали ворожеев, обвиняя их в самых

страшных злодеяниях. По внешним признакам курганы уничтожены около года-двух назад и с тех пор даже тропа к ним заросла, лишь острый взор Хельмута заметил их чуть в стороне от дороги. Должно быть раньше здесь рядом жили люди, но за сто сорок лет эти могилы оказались на отшибе, но и здесь до них добрались и осквернили. Хельмут покачал головой, еще раз убедившись в личной ненависти к глупым простолюдинам, и с таким настроением вскочил на лошадь и двинулся дальше в глубь леса. Предвкушая открытый бой, Хельмут надел шлем и подготовил щит, чтобы можно было быстро его достать.

Прошло около двадцати минут, когда Хельмут неспешно выехал на опушку, окруженную со всех сторон пригорками, мощными деревьями, корягами, переплетающимися корнями и кустарниками. Место подобрано идеально, он это понимал. На большой ветке дерева сидел человек, одетый в форму, сливающуюся с темной корой дерева и сложив пальцы задорно засвистел. Это оказался самый обычный и не такой уж громкий свист, никакой ворожбы в этом, разумеется, не скрывалось.

– Привет тебе, Морок! – прокричал человек с дерева.

Вместо ответа Хельмут призвал заклинание Аод, произнося его про себя. Аод – слабое заклинание (точнее слабоизученное), дававшее кратковременный, но неплохой эффект защиты от физического урона. Ворожеи, владевшие им, называли его каменная кожа. Едва обратившись к силе Аод, Хельмут призвал заклинание Вемм, тоже слабое, но на время, значительно усиливающее работу тела и разума, повышая реакцию, ловкость, слух, зрение и обоняние. Оба заклинания взывали к силе одной и той же планеты Имга (одной из самых загадочных планет, что служило препятствием для точного изучения ее силы, хотя потенциально Имга давала огромные возможности, но проводились они с трудом и не ясно что служило их источником), что упрощало и ускоряло процесс, требуя сравнительно малых усилий для разума, как если бы это было два разных мира. Юный блазень, покачивающий ногой на ветке дерева ничего не заподозрил, и только улыбался, глядя как из засады в Хельмута пустили копьё, летевшее с правой стороны, а с левой стороны ему на шею пытались набросить петлю.

Хельмут заблаговременно услышал свист копья, и отмахнувшись словно каменной рукой, снес его и тут же соскочил с лошади, чтобы не попасть под петлю, шорох которой так же уловил заранее. Он выхватил меч Рачина и схватил щит, приняв боевую стойку. Из чащи выбежала пара десятков человек, по виду дешевых наемников из народа чадь, из которых половина оказались вооружены арбалетами, остальные клинками или топорами. Первый залп из стрел убил лошадь, еще три стрелы попали в щит, две в тело, но не нанесли как такового урона, оставляя лишь ссадины, царапины и синяки, остальные прошли мимо. Взмах зачарованного меча разбросал противников, стоявших с одной стороны, а также сбросил с ветки блазня, который неудачно свалился на торчащий сук и сразу погиб. В это время вторая группа спешно приблизилась к Хельмуту и завязался ближний бой.

Сила Аод и Вемм почти угасли, а потому пропускать удары не хотелось, хотя доспехи и шлем выдержали бы, Хельмут не сомневался. Он снова махнул мечом, воздухом разбросав вторую группу, успев прежде убить двух противников. «Прости Вейя, с этими не договариваться» – произнес он себе под нос, поражая очередного врага.

Хельмут не хотел использовать силу огня в лесу, опасаясь, что может его просто спалить, потому на помощь себе он вызвал заклинания Ижа и Теммь, метнув в противников целый ворох ледяных осколков, на огромной скорости пронзающих тела. Хельмут единственный, из известных ему ворожеев, кто умел комбинировать два заклинания, сплетая лед и ураган. Это требовало больших затрат сил, но работало крайне эффективно. Половина отряда мгновенно пала замертво, и пока остальные оказались изрядно демотивированы, Хельмут вступил с ними в ближний бой, и прекрасно владея мечом одолел оставшихся противников. Закончив бой, он замер на месте и осмотрелся. От призыва ряда заклинаний подряд за раз его голова начала немного болеть, в ушах стоял слабый звон, но такое быстро проходит. Требовался короткий

отдых, но Хельмут чувствовал, что рядом есть кто-то еще. Обернувшись вокруг себя, он впери взгляд в одну точку, так как ощущал и даже видел, как в нескольких десятках метров перед ним подрагивает почти полностью прозрачный облик человека. Противник догадался, что его увидели и решил показаться, сняв в себя амулет.

– Это Зрак? – спросил Хельмут, имея в виду амулет.

Он когда-то встречал такой и примерно знал, что амулет дает возможность носителю скрываться. Созданный на основе силы водной планеты Мрежа, он сливал материю носителя, превращая ее в форму тумана или воды, сливающегося с миром. Главное бедой амулета, как и многих других, служили побочные эффекты, если носить такой более часа, начиналась тошнота, головокружение, слабость и в конце концов носитель бы просто упал обессиленный, и через время умер, если бы кто-то все же не нашел его и не снял амулет. Пока что никто не научился противостоять такому эффекту, потому все подобные предметы предназначались строго для временного использования, и время это зависело лишь от могущества ворожея.

Противник снял с шеи амулет, неторопливо замотал его в специальную ткань, сотканную из травы кошица, волокна которой обладали защитными свойствами, изолируя силу камня от носителя, и убрал в крохотную поясную сумку.

– Да, это Зрак. Остался из Второго мира. Редкая вещица, знаешь ли. Таких артефактов всего два-три десятка, а может и того меньше. Он очень дорогой, – подробно и важно ответил крепкий, не высокого роста человек с черной аккуратной бородой и массивным подбородком.

– Жаль, в нашем мире их пока не научились делать. Очень полезный был бы товар.

– О да, древние достигли небывалого величия, и мы лишь жалкие черви на фоне их могущества. Но придет час и мы постигнем их силу.

– Так из культа кого-то древних?

– Все мы из этого культа, кто-то в этом сознается, кто нет.

– Ты должно быть ошибся страной. В Вервине ненавидят ворожеев, и тем более древних, разрушивших Второй мир.

– Я знаю о ненависти, ворожей.

– Так кто ты такой? – перешел сразу к сути Хельмут.

– Мое имя Волдхар.

– Возможно, это имя мне знакомо.

– Оно знакомо всем неглупым ворожеям. А уж тем более Мастрот должен про меня слышать.

Хельмут конечно же сразу понял, кто это такой. Волдхар – ворожей-Мастрот, собиратель древностей из Второго мира. Однажды судьба почти свела их вместе, когда Хельмут со своим приятелем искал артефакты на границе Яругвы и Тресков, там же оказался и Волдхар, немного опередивший их. Но славился он не только как искатель, но и как грозный боевой ворожей, пововавший на многих локальных конфликтах и в последние годы вроде бы служивший народу Крига, на другом континенте. Хельмут слышал о нем, как о наемном убийце, которого интересуют только деньги и возможность убить сильного ворожея, чтобы в мгновения его смерти попробовать уловить высвободившуюся силу и получить новые способности. Доподлинно неизвестно удавалось ли ему подобное, или это лишь миф для устрашения, но вообще-то ходил слухи, что это возможно, только никто не смог это ни разу подтвердить. Химера в виде перехвата силы чаще сводила кого-то с ума, чем действительно позволяла овладеть могуществом павшего ворожея.

– Ты наемник. Наемный убийца-ворожей.

– Это ты сейчас читаешь мораль? Ты слишком простого мнения о нас, Хельмут. Ворожей, обладающий несравнимой с простым человеком силой, должен быть солдатом как ты, да? Ты, убивший только что два десятка человек парой взмахов меча и силой простых заклинаний завтра вернешься в свой город, чтобы получить жалование офицера Вервинской армии? А твое

место в обществе определяет мнение толпы простолюдинов? Ты, чью могилу после смерти также разорят и оплюют, как те камни перед лесом?

– Что-то похожее на это.

– Ты живешь в мире иллюзий. Ворожей-Мастрот, светлая голова и чистый разум, ты используешь свою силу ради каких-то наивных целей, тогда как мог бы обрести истинное величие.

– Величие? А что это такое? Просто такая же нужда, как и желание есть или спать. Величие – это необходимость, а ворожею необходимости нет. Я велик уже потому, что я есть. Но твоя смерть прибавит мне величия, если ты так настаиваешь.

– Я только этого и ждал, – довольно усмехнулся Волдхар и не боясь спалить лес вызвал мощный огневой поток, бросив его в сторону Хельмута. Тот, в свою очередь, сделав резкий взмах мечом, сбил его волной воздуха, и следом вызвал мощный поток ветра, отбросив противника на землю. Когда Волдхар поднялся, Хельмут уже приблизился к нему и между соперниками завязался азартный бой на мечах, в который оба с удовольствием вступили. Волдхар выхватил двуручный клинок, зачарованный редкой пылью Треска, вызывающей удары электрическим.

– Где ты добыл Треску? – уклоняясь от ударов, спросил Хельмут.

– У вулкана в Тресках молния расколола камень-проводник и на месте выпала пыльца.

Один местный привел меня туда.

– Неплохо. Быстро Треска разрушает оружие?

– На пару лет хватает.

– А где зачаровал?

– В Рестонии.

– Везде у тебя друзья, я смотрю.

– Зато у тебя даже на родине друзей нет!

Они продолжили бой. После нескольких попаданий щит Хельмута раскололся, и он подскочил к мертвой лошади и взял в руки второй меч Востру, зачарованную огнем и стал сражаться двумя мечами, хоть не очень любил такую тактику. Для защиты он вызывал временный поток ветра, в котором удары вязли. Тот же способ действовал и противник. Ему попался действительно достойный враг, к встрече с которым Хельмут готовился давно и в глубине сознания очень хотел проверить свои силы именно с могучим соперником; для него, для его развития это имело особое значение, он ждал от сражения импульс особой силы, позволяющей пробудить в нем еще больше способностей.

– Кто пожелал моей смерти? – выкрикнул Хельмут.

– Вашей смерти.

– О чем ты?

– Мороков. Смерти Мороков. Ты, наверное, самый стойкий. Другие к этому моменту должны быть уже мертвы. Именно поэтому я пришел за тобой, – он сделал акценты на словах «я» и «тобой».

Сказав это, Волдхар снова вызвал силу огня и нанес небольшой ожог левой части лица и шеи Хельмута. Он одернулся в бок и в ответ тоже пальнул огнем в противника, который оказался слишком расслаблен и одновременно воодушевлен успешной атакой и не успел среагировать и вызвать защитное заклинание под этот выпад. Он чуть отшатнулся, и в это время Хельмут вскочил с земли, махнул Рачиной, вызвав слабую воздушную волну, еще немного выбившую Волдхара из равновесия и воткнул второй, пылающий меч в голову врага, ровно в том месте, где его лицо на закрывал шлем, имевший губительно огромную прорезь для глаз и носа.

Волдхар выронил оружие на землю, сила Трески мгновенно ушла, как только Востра пробил череп врага. Он упал на колени перед Хельмутом и еще через секунду рухнул на землю.

Так закончилась жизнь великого, но одиозного ворожения-Мастрота Волдхара, служившего десятку правителей и стран, жившего по своим правилам и не имевшего никаких иных целей, кроме денег, славы и величия. Кто-то за это ругал его, кто-то ценил, о его персоне ходило много рассказов, и тем удивительнее, как просто и почти умиротворенно нашел он свой конец: в глухом лесу Вервины, там, где никто не видел его падения и там, где возможно никто не найдет его тело. Но даже павший Волдхар долго еще будет жить в мифах и слухах, ведь и прежде он уже «умирал», однако всегда оказывался живым спустя время, вот и теперь вряд ли кто-то так просто поверит в его безвременную кончину, пусть и от рук сильного, но вовсе не такого известного ворожея.

Хельмут потушил очаги возгорания, вызвав дождь, а затем и лед. После он обыскал труп Волдхара, но не нашел при нем никаких бумаг, а потому взял лишь амулет Зрак, а клинок выбросил в болото, предварительно разбив на болоте лед, а после снова его запечатал. Хельмут не любил чужого оружия, особенного зачарованного, потому всегда с легкостью его уничтожал или отвозил как трофей в Великий Круг, но в этот раз мысли его занимали совсем не оружейные трофеи.

С самого начала, когда Ярец пришел к Хельмуту и Гарипу с рассказом о разбежавшихся блазнях, ворожей чувствовал, что дело не чисто, подозревая пусть и мелкий, но подвох. Как бы то ни было он понимал, что узнать правду можно только в том случае, если пойти этим путем, однако обернулось все так, что он и Гарип загнаны в ловушку, но если Хельмут победил, то справился ли Гарип? И что с другими Мороками? Это еще предстоит узнать, но его личная и главная ошибка – это желание поймать двух жалких блазней, жажда Хельмута истребить как можно больше, в его понимании, врагов. Нельзя было разделяться, именно для этого Круг собрал их парами. Но все и всегда получалось так легко, что Хельмут потерял бдительность, он много лет не проигрывал, не встречал достойных соперников среди людей и чудовищ, он ничего не боялся и уверенный в себе забыл, что на любую силу может найтись еще большая сила. Это же на своей шкуре ощутил и Волдхар, чье тело, даже не преданное земле, в невероятно дорогой броне лежало в лесной чаще с пробитой головой. Времени сокрушаться не оставалось, нужно спешить обратно. Хельмут попытался найти лошадей, на которых прибыли люди, организовавшие засаду, но судя по следам лошади испугались ворожбы и разбежались кто куда. Несмотря на некоторую усталость, он набрался сил и побежал через лес, не останавливаясь ни на минуту. Уже по дороге, за лесом, ему повстречался отдохавший крестьянин. Хельмут предложил ему полушку если тот подвезет его на телеге до Заполицы, и крестьянин согласился подбросить солдата за такую сумму, не спрашивая кто он и откуда. Дело как раз шло к вечеру, если с Гарипом все в порядке, он либо уже на месте, либо вот-вот появится.

– Что это у тебя с лицом? – спустя время все же спросил любопытный крестьянин солдата, указывая на ожог.

– В походе пьяный заснул у костра вот и обжегся. Пока искал, где обработать рану, отстал от отряда.

Крестьянин залился глухим смехом, обнажив рот с прореженными зубами, и такой ответ его вполне устроил. Сам ожог не страшил Хельмута, такие раны можно затянуть заклинаниями, что следа почти не останется, но только не сегодня, слишком много сил потрачено. Пока его мысли занимало случившееся. Несмотря на победу над Волдхаром, он не ощутил той желанной эйфории, того удовлетворения от своей силы, повергшей могучего врага, он не чувствовал ничего подобного, одна лишь досада на свою опрометчивость. Эта, как будто бы рядовая, проходная победа пока что ассоциировалась у него с личной неудачей, оплошностью, которую он допустил, отпустив Гарипа одного. Он крутил в голове разговор и выражение лица Яреца, уж слишком он изображал из себя уставшего и слабого человека, слишком он не был похож на себя обычного. Всем своим видом и голосом Ярец старался усыпить бдительность Хельмута, чтобы тот поверил истощенному старику и вот ведь беда, опытный Мастрот поверил и подставил под

удар не только себя или Гарипа, но, кажется, и всю Вервину. Он все делал ради защиты, жил этой целью, но собственные амбиции – или чтобы это ни было – погубили все. Так он считал и пока что сдержанно, но винил себя, тем не менее желая во всем разобраться, чего бы ему это не стоило. Он молчал, стараясь погрузиться в легкую медитацию, дабы привести сознание в равновесие, но едва ли не первый раз в жизни это требовало больших усилий, так что от попыток отдохнуть становилось только хуже. Злость закипала, сердце билось гораздо чаще обычного, а в голову роились неприятные мысли.

Между тем телега с крестьянином и Хельмутом в хорошем темпе двигалась к поселению, на улице холодало, а красивое, голубое небо заметно потемнело.

Встреча в Великом Круге

Гарип не появился. Хельмут понимал, что любой лишний час ожидания может стоить жизни его соратнику, а потому презрев необходимость в отдыхе, взял коня и в темноте помчался в том направлении, куда указал Ярец. При себе у Хельмута всегда хранился камень Витель, это еще один огненный камень. В отличие от Смаги, обогревающей помещения, Витель можно поджечь только при помощи заклинания Вир и камень воспламенялся и горел постоянно, излучая яркий цвет с синевой, но не обжигая, выдавая лишь свечение, не взирая на ветер или дождь, и потушить его возможно только той же силой Вира, главное уметь это делать. Один камень мог гореть непрерывно более года, что превращало их в почти вечное изделие для воров-жеев, странствующих по миру. За пределами поселений Хельмут быстро организовал факел, поджог камень и помчался вперед, внимательно разглядывая следы, ведущие прочь из поселения. Опрос попадавшихся на пути крестьян, часть из которых оказались пьяны, не давал результата, люди либо правда ничего не знали, либо опасались отвечать солдату со странным синим факелом в руке, дабы их самих в чем-то не заподозрили. Тем не менее чутье и свет от камня помогали двигаться в правильном направлении и спустя время Хельмут взял след и добрался до небольшой рощи, которая дымилась от пожара, а с другой стороны валялись деревья полностью укутанные в лед. «Мощное было сражение» – заметил Хельмут. Добравшись до середины рощи, перед Хельмутом предстало поле битвы очень похожее на то, что произошло с ним пол дня назад. Примерно пятнадцать поверженных врагов лежали либо засеченные мечом, либо окоченевшие от льда. Сам Гарип застыл, опершись на толстый ствол дерева. Из его груди торчал его же собственный клинок, пропаливший доспехи огнем, и несколько стрел, застрявших в теле. Щита не наблюдалось, похоже он сгорел, так же, как и светлая борода его оказалась сильно опалена. Голову не покрывал шлем, видимо на Гарипа напали внезапно, и он не успел подготовиться как следует. Одна стрела наверняка сразу пробила ему плечо, вторая угодила в районе шеи. Что произошло дальше можно только представить. Хельмут упал на колени перед своим соратником, он знал, что простые бандиты или блазни не смогли бы так просто одолеть Морока, и здесь поучаствовал не менее сильный ворожей вроде Волдхара, который каким-то образом смог ослабить бдительность не такого опытного Гарипа, и он не успел отреагировать на полет стрелы, не успел даже почувствовать опасности, приближаясь сюда. Но даже раненный, он бы справился с обычными людьми и сумел бы хотя бы на время ослабить боль и затянуть раны, но, видимо, шансов у него уже не оставалось. Глаза Гарипа остекленели и уставились вперед, в мрачную бездну неба. В темноте ночи их подсвечивал ледяной свет от спутника Атавы и огня Вителя, и в его голубых лучах глаза покойника казались сверкающими камнями.

– Ну же, что произошло, дай мне увидеть, – бормотал Хельмут, вглядываясь в глаза Гарипа, сам не зная почему, он верил, что сможет сквозь них узреть его гибель, увидеть все, что здесь произошло, но конечно же ничего не получалось.

Хельмут изо всех сил напрягал разум, пытаясь воззвать к силе каждой планеты, но ожидаемо не мог найти ничего даже отдаленно напоминающего то, чего ему так хотелось. Никакая сила и никакая вера в свои силы здесь помочь не могла.

– Тебя ждет Большой мир, друг, – вконец отчаявшись прошептал ворожей и закрыл глаза покойника.

Он погрузил тело Гарипа на лошадь и отправился сразу в город Слана. В ночи он навестил военный гарнизон и попросил помочь с погребением тела. Он рассказал, что рядом с городом на них напали грабители и его напарник погиб. Хельмут не преминул упомянуть про тех людей, что собирают дань на подступах к городу, на что офицер из гарнизона лишь отводил глаза и обещал разобраться.

Гарипа сожгли рано утром, а прах предали земле на воинском кладбище, насыпав скромный курган, как это обычно бывало, если в бою погибал местный солдат. Хельмут смотрел на небольшой камень с вычерченным именем павшего и годом гибели – 3115 от начала отсчета Третьего мира. Это казалось ему пугающим и нереальным, несмотря на что он повидал много смертей, почти с самого детства смерть идет попятам за ним, отбирая семью, друзей и учителей, каждый раз давался все труднее и ему страшно хотелось прекратить эту череду, но сердце все больше наполнялось злобой к тем, кто хоть как-то признавался им виноватым и к любому, кто мог бы стать на его пути. Проклятый круг злобы и кровопролития словно замкнулся и, быть может, права была когда-то Вейя, но остановиться уже невозможно.

Закончив с похоронами, он отправился в Слану и уже в городе Хельмут узнал, что Ярец остановился лично при дворе посадника, но теперь его нет и еще вчера днем он уехал, ориентировочно в сторону Большака, но информация подавалась скорее наугад, точно никто ничего не знал или не говорил. Идти на аудиенцию к мерзкому посаднику не имело смысла, а сам Хельмут не ручался, что дело обойдется без конфликта, и во избежание инцидента отказался от задумки, тем более сейчас важнее понять масштабы заговора и узнать кто за ним стоит, поэтому Хельмут принял решение спешно возвращаться в Вирмы и идти на разговор сразу в Великий Круг. Внутренне он готовился, что именно Круг организовал это, не ясно зачем, а потому он не сомневался, что, если будет нужно отомстить, рука его не дрогнет, пусть за этим стоит сам Верховный глава Круга Возгарь. Собирался ли он мстить только за близкого ему Гарипа или всех Мороков, или может быть за все, что пережил в последние годы Хельмут еще не решил. Как бы то ни было, в нужные моменты он умел держать себя в руках и взвешивать поступки, а значит если кого-то и ждет смерть, это будет оправдано, по крайней мере для него самого.

Дорога заняла долгих несколько дней. Хельмут спешил, спал совсем немного, давал отдых лишь лошадям, по ходу дела несколько раз успев поменять их в военных гарнизонах и форпостах по дороге. К Вирмы он прибыл в ночи, и оставив лошадь у постоялого двора, в сам город решил идти пешком, скрываясь и для этого собирался использовать доставшийся ему амулет Зрак. Прежде он лишь раз видел такой, но лично никогда не обладал. Ворожей до конца не был уверен, как он работает, но в силу опыта и знаний, справился, подобрав подход к амулету и правильно рассчитав концентрацию заклинания, также звучащего как Зрак. Он надел камень и стал почти невидим, сливаясь в предзакатных сумерках, просочился по городским улицам и без препятствий добрался до входа в Великий Круг. Перед ним Морок снял амулет, зная, что опытные ворожеи все равно почувствуют его приближение, так что разницы почти не было. Сняв амулет, он ощутил легкое головокружение, но в общем остался доволен его действием и согласился, что вещь это крайне полезная, а кроме того, дорогая, ведь мало ли что в жизни еще предстоит.

Здание Великого Круга представляло собой огромный диск (в высоту четырех этажей), пристроенный к скале, и опирающийся на одну огромную, мощную колонну по центру, где скрывалась лестница и несколько малых колонн по всему периметру. Весь контур диска обрамлен окнами по всем четырем этажам. На крыше возведено еще несколько помещений, куда вели лестницы, а также Круг имел два этажа, уходящих под землю и туннель, соединяющий Круг с Крепостью Вельмир, выстроенной неподалеку, но чуть выше Круга. Архитектура Круга отсылала в Первому миру, опираясь на скудные знания из набросков в некоторых книгах, которые существовали во Втором мире и частично уцелели до сих пор. Почему именно диски и какое назначение носили такие постройки до конца не ясно. В настоящий момент по всей Земнице можно было встретить несколько зданий, сделанных в таком стиле, в том числе и Великий Круг Вервины.

Хорошо знакомая стража Круга поприветствовала Хельмута, один из них сразу же выразил радость, по поводу встречи с ним и предложил скорее спешить к Возгарю, он как раз

сегодня будет собирать совет по поводу случившегося. Хельмут, ничего не отвечая, но кивнув в знак принятия информации, проследовал внутрь и торопливо поднялся на четвертый этаж в покои к Возгарю. Если в такой час он не спал, значит о событиях уже начали приходить вести.

В помещении по углам горели камни Витель, у северной стены зажжен камин, а через восточное окно падал свет от восходящего Багреца. Возгарь, опытный, мудрый ворожей-Мастрот, половину жизни посвятивший боевой ворожке, после перейдя в русло обучения и наставничества, со временем возглавивший Средний Круг в Соломени, а после Великий Круг. Он не был очень стар, но выглядел неважно: уставший, седой, чуть сгорбленный, с морщинами, он последние годы мало спал и отдыхал, пытаясь управлять гибнущей, или как говорили многие, преобразовывающейся, структурой ворожеев. Когда Хельмут вошел в кабинет, он еще не видел Морока, так как стоял спиной, но тут же облегчено выдохнул и произнес низким тихим голосом, не проявляя при этом эмоций.

– Как же я рад Хельмут, что хоть ты выжил.

На самом деле он почувствовал его приближение еще до того, как Морок добрался до его покоев, но только теперь, когда услышал знакомые шаги, спокойно выдохнул. Возгарь отличался самыми сильным чувством и интуицией среди ворожеев Вервины, именно он в свое время помог Хельмуту освоить особенности этой способности, впрочем до своего наставника ученик все еще сильно недотягивал.

В кабинете также находился Волвар, глава армии. Возрастом на десять лет старше Хельмута, он бодро поднялся со стула, провел правой рукой по лысой голове, провел ладонью левой руки по усам и протянул правую руку со сжатым кулаком Хельмуту в знак приветствия.

– Хельмут, я не верил, что ты погиб. Кто угодно, но только не ты, – сообщил Волвар.

– Что случилось с остальными? – осторожно спросил Хельмут, все еще придерживая в голове мысль о возможном предательстве Великого Круга и даже армии, но прямо сейчас эта мысль начала казаться ему абсурдной и даже глупой, так как мотивов у них для этого просто не существовало, кроме разве что самоубийственной цели, но это звучало предельно нелепо.

– Пока что мы знаем о десятке убитых Мороках. Две женщины, восемь мужчин. Что с Гарипом?

– Он мертв.

– Значит одиннадцать. По остальным нет вестей, но кажется это дело времени, и все вести будут плохие.

– Что вы еще знаете? – спросил Хельмут.

– Пока что, очевидно, ты знаешь больше, чем мы. Расскажи, что там случилось. Будь добр, удели внимание всем деталям, сейчас каждое слово подобно драгоценности.

Хельмут не сразу ответил на просьбу. Внутри него снова мелькнуло чувство, что заговор мог быть подстроен сверху, но кем и для чего? На Возгаре и Волваре лица не было, особенно плохо смотрелся Волвар, не скрывающий разочарование от потери пятнадцати лучших боевых единиц армии. Они просто не могли это сделать, у них нет ни единой причины. Чувства подсказывали ему, что оба собеседника скорее разбиты и ошарашены, что мало походило на состояние заговорщиков. Злоба быстро стихла, стало значительно легче и Хельмут рассказал все с самого начала.

– Значит Ярец, – лишь произнес Возгарь в конце.

– Тебе он хорошо знаком? – спросил у него Волвар.

– Да, очень хорошо. Он всегда был в меру амбициозен, но высоко не прыгнул. Это рядовой ворожей, у него не вышло развить свои способности. Откровенно говоря, его и Эринтом можно назвать с натяжкой, но чего у него отнять, так это способность ладить с людьми, поэтому он был полезен, хоть и строптив. Ярец служил в разных Кругах, служил даже при дворе, однако с возрастом служение его шло скорее на спад, так как он уступал в силе и от этого злился, вымещая обиду на Ванах. Многие его не любили и это было взаимно. Последние годы он соби-

рал для нас информацию по блазням и передавал ее в Круг недалеко от Нырищи, а дальше информация шла сюда. Казалось, он нашел свое место и я думал, он давно остепенился. Слышал, что у него молодая жена, они живут в Большаке, сам же Ярец часто бывает в Слане, там он доверенное лицо у посадника, это что-то вроде дополнительного заработка для него. Ярец умеет красиво говорить, а главное говорить то, что хотят услышать, обладатели власти и денег любят таких, кто-то даже избыточно, черпая горе через край от подобных советников и сплетников. Да, Ярец владел словом, в этом свойстве ему равных еще поискать. Ему не было причин жаловаться на свою жизнь, во всяком случае на последние годы.

– Про посадника будет отдельный разговор, Волвар, – перебил его Хельмут. – Работа для Харалуга.

Волвар понимающе кивнул в ответ, но жестом показал, что лучше бы им обсудить это попозже.

– Второе имя, которое ты назвал, – продолжал Возгарь.

– Волдхар.

– Да, Волдхар. Он старше тебя, Хельмут, опытнее. Он из иного времени, если можно так сказать, это скорее мое поколение. Это очень сильный и известный ворожей. Был, как я понимаю. Он обучался некоторое время здесь, в Вервине, но довольно рано выбрал путь наемника, это произошло еще в молодости. Это не то чтобы редкость, в истории хватало ворожеев-наемников и даже существовала целая ветвь в Рельяре, но ее разгромили. Но мы про Волдхара, да. Он богат, потому что собирал древности по всему миру, эта страсть искушала многих из нас, как многих и погубила, но он сделал ее своим вторым ремеслом и возможно не прогадал. Последние годы о нем ничего не было известно, кроме того, что он жил в Криге, а после осел в Рестонии и купил там себе замок между Рехтом и Мистерой. Есть еще информация, но к делу это отношения не имеет.

– Значит Рестония, – чуть ли не со скрипом на зубах произнес Хельмут.

– Предположительно, да. Ярец не мог быть организатором, ему бы не хвалило денег и влияния, да и что дальше? У него нет армии за спиной, чтобы сделать следующий шаг. Очевидно, что его просто подкупили, а сделать это не сложно. Но подкупили не только его, разумеется. Надо понимать, что для убийства Мороков не подошли бы просто солдаты или бандиты, нужны сильные ворожей, и кто-то смог собрать таких шестнадцать и направить в Вервину. Кто-то помогал им перемещаться и скрываться, кто-то давал наводки на вас, кто-то подбирал места для нападения. У нас есть целый круг предателей, – грустно заключил Возгарь.

– Рестонцы всегда алчно смотрели на наши земли. Похоже, последняя война ничему их не научила, – заметил Волвар.

– Последняя война завершилась сто сорок лет назад и о ней никто не помнит, хотя они принесли на нашу земли смерть и разрушения и только ворожей смогли тогда их остановить. Тот поход стоил Рестонии армии под десять тысяч солдат, то есть почти вообще всех боеспособных, они сами едва не пали под натиском Рельяры, которая отобрала у них кусок земель. Но сегодня у нас нет этой силы, а гибель Мороков делает ситуацию еще более сложной. Зато у Рестонии, насколько мне известно, дела с армией в полном порядке, ровно как и с числом сильных ворожеев. Да, их меньше, чем у Вервины, вернее... их было меньше, и я учитываю только те данные, что официально подавали Круги Рестонии, но они всегда лукавят, всегда. Дело обретает опасный оборот.

– Но пока не катастрофический, – предположил Хельмут.

– Почти катастрофический, – медленно кивнул Волвар, откинувшись на стуле, и скрестив руки на груди.

– У нас же есть регулярная армия.

– Как и у них. И как я сказал, у них есть боевые ворожей, скорее всего больше, чем теперь есть у нас.

– Есть новости от разведки? – спросил Хельмут.

– Ничего нового. Абсолютно.

– Тогда пора начинать искать изменников, пока не стало слишком поздно. Если уже не поздно.

– Но без воли Правителя мы не можем делать все, что захотим касаясь ворожеев и Кругов, а проблемы множатся. В любом случае, нужно сообщить о случившемся.

– Я сегодня поговорю с ним, – сказал Возгарь. – Он как раз вернулся из Рельяры накануне, обычно после таких визитов он более сговорчив и благосклонен.

– Но разве сейчас речь о каких-то пустяках, что нам нужна благосклонность Верзита? – удивлялся Хельмут.

– Он своеобразный человек, кроме того не верящий в войну, насколько я могу понять. Но я не уверен, что понимаю его. При всех моих знаниях о людях суть Верзита Смелого остается сущей тайной для меня.

– Кажется, сейчас не то время, чтобы не верить в войну.

– Я постараюсь убедить в этом Верзита. Постараюсь. Сегодня на собрании будет известна его позиция. Наверняка явится его советник и косноязычно, но сформулирует ответ.

– Я приглашу главу разведки на собрание. Надеюсь, у него будет хоть какая-то информация, потому что пока от них толку было мало, даже блазней искали Круги, а не разведчики, – сообщил Волвар. – Достали они меня, бездельники.

– Тогда встретимся вечером, – подтвердил Возгарь.

– Да, Волвар, по поводу Сланы. Дела становятся все хуже, а порядка почти нет. Посадник устроил там банду для грабежей, используя части регулярного гарнизона. Есть, кажется, и другие проблемы. Хорошо бы этот гарнизон обновить.

– Рыц... вот ублюдок. Худшего человека еще поискать надо.

– Будь аккуратен, я знаю, она была дорога тебе, как и мне, но у нас нет прав на жесткие меры по отношению к нему, встряхни лишь войска.

– Я все понял. Понял. Отправляю туда Харалуга, он разберется, он такое любит.

– Будь осторожен. Случись чего, Правитель не одобрит.

– Я не буду это с ним обсуждать, все будет обставлено как обычная проверка войск, что мы и так делаем время от времени.

– Осторожнее, так или иначе Рыц пользуется его благословением.

– Можешь не беспокоиться.

– Я беспокоюсь только за тебя, не за себя.

– Хельмут, не учи меня моей службе.

– Ладно, ладно. Но при случае дай втык Драгану. Чем он вообще занят, когда я приношу тебе вести вместо разведки?

– Не нравится мне этот Драган. Толку от него никакого. Давно бы убрал его, но член клана семьи Верзита... сам понимаешь.

– Понимаю.

– Ладно, я разберусь, спасибо за помощь, Хельмут.

– Да, Волвар, отправь весть в крепости Выжлец и Трубеч, пусть готовятся к возможному вторжению Рестонцев.

– Именно это я хотел сделать прямо сейчас. К восточным границам скоро выступят дополненные силы, я выделю шестьсот человек, они станут лагерем на подходе к крепостям. Кажется, наши опасения сбываются, и то, для чего мы родились, скоро начнется. Ты чувствуешь что-нибудь?

Морок ничего не сказал и лишь отрицательно покачал головой в ответ. На том они раскланялись и попрощались до вечерней встречи.

Хельмут собирался навестить Вейю с дружеским визитом, но прежде привел себя в порядок после долгой дороги. В Великом Круге у него имелась своя отдельная комната, вернее помещение на целых три комнаты. Он предпочел жить в стенах Круга, где под рукой всегда огромная библиотека, тренированный лагерь, ворожей, здесь же пешком можно быстро дойти до расположения главы армии, да и резиденции ключевых военных находятся поблизости, а главное жилье в Круге бесплатно для него. Помещение Хельмута состояло из спальни, совмещённой с небольшой кладовой, рядом комната, наподобие гостиной и трапезной (хотя он всегда ел в общей трапезной), и рядом комната для принятия ванны и отдыха. Там же Хельмут медитировал, что он делал часто, дабы приводить разум в порядок и пытаться открыть для себя новые знания, распутывая сложные цепочки взаимодействия с Большим миром. В целом Хельмут вел довольно скромную и скучную жизнь, большую часть из которой занимали тренировки, чтение и попытки постигнуть все новые и новые силы. Он жадно оттачивал мастерство, сохраняя чистый разум и крепкое сознание, старался достаточно спать и есть, чтобы не слабеть телом, и не тянуть силы из самого себя. Лекари уверяли, что залог его силы в том числе в здоровом теле, потому он уделял этому вопросу особое внимание.

Дом Вейи находился вблизи Крепости Правителя, в богатом районе города. Хельмут не сомневался, что в столь ранний час он застанет возлюбленную дома, и потому неспешно привел себя в порядок, подстриг волосы и сбрил щетину, переоделся в легкую, тем не менее военную форму, и взяв изящный клинок, добытый много лет назад в Тирверии, направился в дорогу.

Утро выдалось ярким, облака не скрывали свет от разыгравшего Багреца, на улицах почти сошел снег и лед, чувствовалось, что весна уже рядом, хотя совсем недавно минула середина зимы. На улицах города началось оживление, выходили торговцы, проходили богатые люди, предпочитающие не покидать свой квартал по чем зря, а рядом бродили зевающие стражники и шныряли проходимцы.

Добравшись до нужного двухэтажного каменного дома, украшенного скульптурами и резьбой по мотивам Сустугской росписи, со стилизованными изображениями животных и птиц, Хельмут постучал в дверь и очень скоро на пороге возник довольно юный слуга, узнавший Хельмута и бодро его поприветствовавший. Как и ожидалось, Вейя еще не покидала дом, и Хельмут предварительно попросивший накрыть на завтрак в том числе для него, поднялся на второй этаж и вошел в комнату девушки, постучавшись пред этим их тайным порядком ударов.

Вейя стояла спиной ко входу и расчесывала волосы у зеркала. Хельмут с улыбкой посмотрел на ее отражение, как всегда, с восторгом разглядывая ее хрупкую, стройную фигуру с изящным станом, даже при небольшом росте, придававшем ей некоторое величие. Ее каштанового цвета волосы оказались короче, нежели при их последней встрече и теперь едва спадали ниже плеч. Кожа стала как будто чуть блее, и без того светлая Вейя показалась ему бледной, видимо из-за своей службы, не выходя на свет месяцами. Увидев в отражении Хельмута, ее выразительные голубые глаза вспыхнули, прямо как в юности и она резко обернулась и не скрывая радостных эмоций, бросилась к нему и что было сил обняла. Хельмут в ответ крепко обнял возлюбленную, ничего не ответив на ее: «Как же я счастлива, что ты жив». Он уже слышал это несколько раз от нее, и ему не надоедало, ради нее он готов был снова и снова лезь в неприятности, лишь бы еще раз ощутить этот сладкий миг возвращения. Каждый раз он слышал в этом отголоски юности, когда молодой Хельмут едва не погиб по собственной глупости, обращаясь с ворожкой, и Вейя точно также обняла его и произнесла эти слова, пока он лежала на постели и едва мог пошевелить конечностями. С тех пор многое изменилось, и те возлюбленные давным-давно разошлись, но что-то сильное не давало угаснуть чувствам, и Хельмут снова и снова приходил к ней и они проводили вместе дни и редко ночи, любуясь небом и звездами, но ничего не было как прежде, как бы того не желали оба, реальность неизбежно отдаляла их. Да, все

давно поменялось, но Вейя оставалась последней и возможно единственной слабостью очерст-
вевшего и могучего Хельмута, она была тем последним образом, который он собирался пред-
ставить, если ему предстоит умереть, она была тем, кого он желал защищать, когда говорил, что
защищает Вервину. Вейя воплощала для него вполне живой, реальный образ родины, земли
и народа, и чем больше сил обретал Хельмут, тем прочнее казался ему незримый купол, обе-
регавший ее, оберегавший Вервину от любой напасти. Удивительная способность Хельмута,
при всей его силе разума, поддаваться легкому опьянению, находясь рядом с ней, чаровала
ворожея, и он готов испытывать это вновь и вновь до конца своих дней, до конца своей нелег-
кой службы.

Вейя родилась в обеспеченной семье. Ее отец был вхож во двор к прошлому правителю
Хектору, и занимался научными и просветительскими делами, кроме всего он пытался дока-
зать, что природа камней и силы Большого мира изучена не просто слабо, но в корне неверно
использование всей структуры и нужно пробовать найти ей более сложное и точное примене-
ние. Боевую ворожбу он приравнивал к каменному оружию, считая, что сила может вырасти
из «каменного топора в монолитную стену», иными словами верил, что метать огонь – это
малое, что может ворожей и люди в целом. С приходом Верзита к власти его место лишь укреп-
пилось и дочь пошла по стопам отца, занимаясь наукой, но вскоре перейдя в дипломатию. Ее
брат выбрал военную службу, но рано погиб в сражении с пиратами у берегов Вверви. Отец
тяжело перенес утрату сына, считая себя виноватым, что не настоял, чтобы сын выбрал другой
путь и сам вскоре скончался, вероятно от сердечных мук. За ним ушла и мать Вейи, не спра-
вившаяся с двумя потерями подряд. Примерно в это же время Вейя и познакомилась с совсем
юным ворожеем с севера по имени Хельмут, который прокладывал себе политическую дорогу
и прибыл в Вирмы для обучения в Великом Круге и службе дипломатом. Занимаясь в Круге,
Хельмут показывал невероятные успехи в обучении боевой ворожбе, дополнительно изучая
военное дело, обучаясь фехтованию, стрельбе, езде на лошади и непрерывно тренируя свое
тело и волю. Сила физическая и сила ворожея, которую он получал, все сильнее склоняла его
к другой роли, и не без воздействия со стороны главы армии и соратников его переманили
на боевую сторону, взяв сперва в несколько походов, а вскоре уже сам ворожей отправился
в долгое странствие, после чего занимался только службой и развитием себя. Перемена в его
взглядах произошла во многом из-за самой столицы, где молодой ворожей впервые столкнулся
с нюансами политики, дипломатии, с людьми высшего света и с каждым днем он понимал,
что это совсем не для него. Несмотря на то, что в целом принимали его хорошо, а под лич-
ным протекторатом главы Великого Круга он был вхож даже в Вельмир и имел возможность
общаться с самыми видными людьми, Хельмут с удовольствием погрузился в военное дело,
сперва оправдывая это общим развитием и любопытством. Однако всякий раз ощущая огром-
ную силу, что буквально наполняла его жизнь, он понимал, что хочет быть воином, и более
того, он рожден воином. Вейя с трудом мирилась с выбором своего возлюбленного, долго пыта-
лась это принять, но рана от потери брата, а после и всей семьи не заживала, а от решения
самого Хельмута наоборот лишь сильнее болела. Ее пугало все: сила, которую он мог призы-
вать, его крепкое тело, которое он тренировал исключительно с целью убийства противников,
его холодный взгляд, беспощадность к тем, кого он считал врагами, и его жажда быть полез-
ным именно на военном поприще. Лучшим аргументом он считал меч и ворожбу, а их долгие
разговоры ни к чему не приводили, и если Вейя представляла доводы, что воин давно нет, что
Вервина навсегда защищена и весь мир меняется к другому, стараясь избегать масштабных
баталлий, Хельмут указывал ровно на обратное – это затишье перед бурей. Почти все время
складывалось ощущение, что Хельмут ошибается, и все дела действительно решались на полях
дипломатии и торговли, но все что было видно в стенах Вирмы, совсем иначе выглядело за их
пределами. Хельмут объездил свою страну, всегда пребывал в кругу военных, и чувствовал, что
что-то может произойти, а потому становился подозрительнее, внимательнее, злее, а вопросы

он предпочитал решать силой, нежели словами, избегая битв только в том случае, если не следовало привлекать внимание, впрочем с годами он пробовал действовать мягче и научился разговаривать с теми, кто не хамил в ответ.

Конечно же, они расстались, хоть и совсем не смогли разорвать связь, но больше не были вместе. Хельмут не мог пережить это разочарование, но он также понимал, что не готов занять место в Вельмире и заниматься демагогией, когда Вервина нуждалась в его мече и ворожбе. Вейя же не хотела, чтобы ее муж пропадал в военных походах или на службе, а однажды вернулся домой в гробу и ей оказалось проще отпустить Хельмута, хоть это было и не просто, и она все равно с тревогой ждала, когда снова увидит ворожея, если тот пропадал надолго. Ни он, ни она так и не нашли себе новой пары, полностью посвящая себя службе и в голове прокручивая воспоминания о прошлом.

– Вчера вечером я получила новость, что некоторые из Мороков погибли. Это правда?

– Правда, с той поправкой, что они не погибли, а их убили. Всех, кроме меня.

– О, нет... Как это могло произойти?

– Нет сомнения, что это заговор. Пока у нас нет доказательств, но возможно это дело рук рестоццев. Кто-то помогает им отсюда.

– Рестоццы? Неужели ты думаешь, что они решили напасть на Вервину?

– Вполне может быть. Для чего еще им убивать сразу пятнадцать сильных ворожеев?

– Но ведь наша армия сильна и без ворожеев, ведь так? Верзит часто указывал на это, что мы справимся с любой угрозой и без ворожеев.

– Верзит... Он живет в какой-то другой Вервине. Все слишком поменялось в последние годы. Мы итак идем на крайние меры, чтобы сохранять баланс и сохранять нашу главную силу, а он этого не понимает.

– Крайние меры – убийство простых ворожеев, которые не хотят быть солдатами? Я не хотела думать, что ты стал простым наемником.

– Я не наемник, Вейя, я служу своей стране и делаю ту работу, которую должен делать, то, что мне приказывают делать. В конце концов, кто-то должен заниматься и такими вещами. Сейчас Вервина в опасности и я ее защищаю. Ты ведь делаешь то же самое, но на другом поприще. Пойми, мы оба делаем одно и то же. Но по-разному.

– Убивая простых людей ты защищаешь Вервину? От кого? От нас же? Может ты и меня убьешь, если тебе завтра прикажут? Ах да, я же не ворожея, кто я такая, чтобы великий Хельмут занес надо мной свой меч...

– Я убиваю тех, кто своей глупостью нарушает баланс.

– А что, если они избирают другой путь? Почему вы не даете им право выбора? С чего вы вообще все решили, что ворожба – это сила для убийства и разрушения? То, что вы никак иначе ее применять не умеете ни о чем не говорит.

– Вейя, эта сила сотни лет хранила нас в мире и покое. Пока все знали, что в Вервине есть армия ворожеев никто даже не думал сюда сунуться. Кроме проклятых рестоццев, но и их мы уничтожили. Пойми, милая, если бы не эта сила, Вервина уже давно бы пала. Мы не можем от нее отказаться.

– Всегда можно найти другой выход, Хельмут. Для тебя всегда самый простой путь – махать мечом.

– Вейя... ты не представляешь, как сложно порой бывает. Оружие лучше всего доносит понимание до тех, кто упрямо не хочет ничего понимать.

– Ты хоть раз пробовал другие пути?

– Вейя, какие пути? Ты думаешь, если я просто с ними поговорю, они перестанут это делать? Блазни перестанут забирать нашу силу, бандиты перестанут убивать и грабить, зажавшиеся посадники перестанут строить поганый мирок в своих владениях? Это так не работает и эти люди не понимают правил, их волнуют только деньги, а пугает только сила.

– Блазни, блазни, блазни... Может это происходит потому, что времена меняются, Хельмут? Почему ни ты, ни Волвар, ни Возгарь не видите и не хотите видеть, что мир устал от воинов, а нашу силу можно пустить в другое русло? Может и смерть Мороков вовсе не заговор, а естественный ход вещей. Не думал? Вдруг это так? Ведь все не просто так происходит.

– Это происходит потому, что в Вервине больше нет порядка. Верзит превращает наши земли в царство сомнительной свободы, да только никому от этого легче не стало, Вейя. Что говорят дипломаты, политики, торговцы? Что стало лучше? Стало лучше воровать и рушить?

– Ты, как всегда, видишь все очень однобоко.

– Как и ты.

– У тебя могла быть другая жизнь, а не вот это все.

– Меня вполне устраивает моя жизнь...

– Довольно!

– Вейя, опять это разговор... Мы с тобой уже тысячу раз об этом говорили.

– И тысячу раз ты меня не слушал!

– А ты меня, – холодно ответил Хельмут, но за холодом не скрывалось ни обиды, ни разочарований, он только лишь в очередной раз понимал, что вместе они быть просто не смогут, но это никак не мешало продолжать любить ее.

Вейя отвернулась. Снова это горькое чувство накрыло ее. Все их разговоры рано или поздно заканчиваются спорами о том, как использовать силу и каким должен быть мир, и вот снова, едва не погибший в бою Хельмут возвращается и вещает ей о том, что кругом война и злоба и не хочет слышать, что для изменения можно пробовать не плодить зло, но предотвращать его. Хельмут думал примерно о том же, но со своей правдой.

– Мне пора идти, сегодня у меня встреча с делегацией из Рельяры, они прибыли по приглашению Верзита.

– Я позавтракаю с тобой?

– Не надо, прошу. Мне хочется побыть одной.

– Как пожелаешь.

Хельмут попрощался и почти вышел за порог, как услышал вслед:

– Хельмут, мне жаль, что Мороки погибли. Мне правда жаль. Нужно в этом разобраться, понять причины, найти виноватых. Я понимаю. Они служили Вервине как могли, я понимаю. Я уважаю их за это, если будет надо, я сама готова погибнуть за нашу землю.

– Это моя привилегия.

– Хельмут! Не пропадай.

Он кивнул в ответ, но ничего не сказал и ушел прочь. Не то чтобы разговор хоть сколько-то огорчил его, ведь такое они уже проходили, но повидать Вейю все равно было крайне приятно. Он никогда по-настоящему не обижался на нее и никогда не считал ее глупой. За долгое время ворожей понял, что мир выглядит совершенно по-разному, если смотреть на него из крепости, из дома, из трактира, с улицы или из другой земли. Каждый человек в этом мире имел какое-то свое представление о том, что на самом деле происходит и в последние пару десятков лет такие противоречия лишь усиливались. Хельмут не сомневался, что еще совсем недавно в Вервине можно было спросить хоть Правителя, хоть крестьянина и он был рассказал ровно одну и ту же правду об окружающей действительности, теперь же каждый жил со своим мифом и, наверное, по-своему был прав.

Вернувшись на улицу, он вдохнул полной грудью после комнаты Вейи, пропитанной ароматами каких-то цветов, он все никак не мог запомнить какими именно, за что в юности подвергался шуточной критике. Завтракать Хельмут пошел в трактир в квартале, недалеко от главного рынка, где пахло уже не цветами. Там подавали отличный вирмский мясной суп и курник. Между тем на улицах и на рынке шла обычная пустая болтовня и суета. Никого пока не волновали только-только просачивающиеся слухи о Мороках, ведь для большинства людей это была

какая-то очередная группа солдат, но едва ли не маргинальная, выполнявшая, как говорили, заказные убийства по поручению важных лиц. Этот образ крепко засел в среде городских слухов Вирмы, и кто-то верил этому, кто-то нет, иные вовсе считали, что Мороков не существует, а другим просто не было дела до того, что их не касалось. На рынке судачили о чем попало и Хельмут ощущал себя посторонним, испытывая слабое огорчение о том, что одна из очередных трагедий в его жизни оставляет всех равнодушными, как будто они все должны нести это бремя, но не несут, передавая такое уникальное право одному ему, последнему из легендарных Мороков.

К вечеру в Великом Круге собрались участники собрания по вопросу убийства Мороков и организации возможного заговора в Вервине. Хельмут вернулся в Круг после завтрака и короткой встречи в расположении войск, и почти все время проспал, восстанавливая силы после сложной дороги в Вирмы.

Незадолго до начала, он первым пришел в круглый зал для собраний и встретил там Возгаря, одиноко восседавшего на своем месте и с отстраненным видом перебиравшего какие-то бумаги. Казалось, пока руки его заняты монотонной работой, в мыслях вращаются совсем иные, гораздо более значимые вопросы, перерастающие в серьезные проблемы.

– О, Хельмут, проходи. Скоро появятся остальные, – дружелюбно пригласил он его, не поднимая головы.

Морок молча принял приглашение и сел рядом с Возгарем.

– Что ж, ты остался один. Теперь доподлинно известно, что все прочие Мороки мертвы. Вести дошли. А лучше бы и не доходили, так хотя бы надежда жила, а теперь мы констатируем вхождение в трудный период. И вот в нем надежд никаких.

– Звучит нереалистично и безумно, хоть это и правда. Кто-то смог за один раз уничтожить всех нас. Я – один, и теперь что я есть, что меня нет.

– Не говори так, Хельмут, ты силен как никто другой и ты доказал это в битве с Волдхаром. Поверь, если бы меня кто-то спросил строго в контексте вероятности, кто победит в вашем сражении, при всем уважении я бы назвал имя Волдхара, не твое. Но ты доказал, что я не прав. Глубоко не прав.

– Ты чрезмерно преувеличиваешь силу Волдхара. Поверь, битва была хоть и не простой, но в целом это не стоило мне больших усилий, все решилось легко и быстро. Он был силен, но не велик.

– Неужели? Значит, либо слухи о нем лгали, приукрашивая и приумножая его былинную силу, либо... ты Хельмут сильнее, чем даже знаю я.

– Это не столь важно, – равнодушно ответил Хельмут, но внутри него разыгрался огонек, тот самый импульс, может даже гордость, от ощущения собственных возможностей. Хельмут принял это чувство как должное.

Некоторое время они просидели молча, Возгарь все также перебирал бумаги и письма, Морок молчал, сидя неподвижно и сложив руки на груди. Первым нарушить молчание решился глава Круга, взяв инициативу и подняв важную тему, которую, как он полагал, добровольно Хельмут ни с кем обсуждать не станет.

– Ты дружил с Гарипом?

– Да, мы были дружны. К сожалению.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что терять друзей сложнее, чем просто солдат, стоящих рядом.

– Понимаю, понимаю.

– Я всегда был против, ты знаешь. Против его присутствия. Я не люблю привязываться к людям, это вредит, вот и от Гарипа я как мог отрешивался, хотел служить один, однако ты настоял, и мы сошлись.

– Прости, Хельмут, я хотел как лучше.

– В сущности все и было «как лучше». До этого дня, до этого проклятого дня.

– Мне жаль.

– Мне тоже. Я чувствовал, что не стоит нам разделяться, понимал, что здесь какой-то подвох.

– Нас предали, Хельмут, то, что произошло не твоя вина. Ты делал свою работу, как и всегда.

– Дай мне немного посокрушаться.

– Конечно, если тебе так легче.

– Мне не легче, но уничтожать себя хочется. Хотя... может и правда от этого легче.

Хельмут некоторое время молча смотрел в стену, Возгарь продолжил перебирать бумаги, пока Морок снова не заговорил:

– Погибло много ворожеев. Высвободилось много силы. Ты чувствуешь?

– Да, я чувствую. Мы воспользуемся этим. Я уже распорядился готовить новых Мороков, они не будут уступать погибшим.

– Это займет время, ты же знаешь.

– Ну, а ты, Хельмут, – спросил Возгарь, – можешь использовать свободную силу?

– Я уже не знаю как. Мне кажется, мне ведомо все, что мы знаем о ворожбе. Я медитировал сегодня, читал гримуары, но ничего нового осилить не могу. Нужны новые знания, понимание как усиливать свои способности.

– Но ведь пару лет назад ты смог освоить связь двух заклинаний вместе. Ты связал лед и ураган, и именно ты описал как это сделать. Никто тебя этому не учил и ты точно также говорил, что уже достиг предела. Значит, твои пределы шире, чем тебе кажется.

– Да, но я до сих пор не понимаю как пришел к этому.

– Тебе открылось нечто большее.

– Но ведь никто этому больше не научился. Что если я неправильно описал? У меня получается почти естественно, как прокрутить мысль в голове. Хотя, это сложная связка, и возможно дело не в силе моего разума, а в том, что я разобрался в элементарном, о чем мы просто не знали и если подойти к этому правильно, то знания откроются любому Вану.

– И тем не менее я не слышал, чтобы один ворожей умел связывать два заклинания сразу. Да, пара ворожеев может это сделать, выдав заклинания по очереди, но одним – нет.

– Это не так сложно, как тебе кажется.

– Ты же тогда сделал это, выпив Хору?

– Да, эту редкостную гадость. Но она помогла, тогда разум действительно открыл мне эту связку. Но это было легко, обе планеты рядом друг с другом, тогда все получилось почти естественно. Я помню... даже как будто на языке возник какой-то вкус, чего-то чужого, из другого мира. Такого не было ни до, ни после. Это скорее случайность.

– Ты не хочешь снова попробовать принять Хору или помедитировать с амулетом Израдец? Я знаю, это опасно, но ты Мастрот и твой разум должен выдержать повторную нагрузку. У нас есть два амулета, я могу отдать один тебе.

– Я же носил Израдец, еще прежде. После пары часов моя голова чуть не разорвалась, а из ушей шла кровь. Он правда усиливает разум, но в тот момент я, кажется, достиг пределов, я не знал, что делать дальше. Мне нужны ключи к знаниям. Про Хору молчу, на меня это уже не действует, голова только болит и в горле пересыхает. Последний раз был слишком тяжелым, я больше не рискну ее пить в такой дозировке, чтобы «улетать».

– Может ты пил подделку?

– Ты знаешь, что дело не в том.

– Да, я так нелепо шучу. Все понимаю. Но пока что эта вся сила, известная здесь в Вервине и которой с нами поделились Круги других земель. И ты, Хельмут, самый сильный ворожей

из всех, кого я знаю. Я уверен, есть еще неизведанные источники знаний, их нужно только найти.

– Только и всего, да.

– Но я подозреваю, именно это нам и придется когда-то сделать. Однако это вопрос не первой важности.

На собрание стали приходить участники. Пришел Волвар с двумя командующими, глава разведки Драган с помощником, советник Правителя и один из видных людей в верхних кругах власти Олонд явился с целой делегацией из пяти человек, и вместе с ними пришел главный дипломат Алатырь с тремя помощниками.

– Сын Верзита Смелого наследник Марек отсутствует и сегодня не явится, – вместо приветствия сообщил Олонд, ступавший медленно и размеренно.

Поднявшийся с самых низов до одной из ключевых фигур в государстве Олонд всегда вел себя надменно по отношению ко всем, за что его никто не любил, но, кажется, он в деле своем был хорош, по крайней мере при дворе Верзита служил много лет и удовлетворял правителя.

– Куда опять делся наследник Марек? – спросил один из участников собрания.

– Отправился принимать пыльцу в порт Городница. Армия ждет корабль из южных земель. Марек вызвался инспектировать приемку лично, – сообщил один из командиров армии, пришедший с Волваром.

– С каких пор сын правителя конвоирует грузы? – удивлялись дипломаты.

– С юности вообще-то.

– Большая ценность как будто-то эта ваша пыльца...

– Хитрые дельцы недавно научились подделывать пыльцу, и наследник Марек взял с собой ворожея, чтобы вместе с ним все проверить. Вы же знаете, что только ворожеи могут отличить подделку от настоящей пыльцы? А сын Правителя едет для надежности и обеспечения безопасности, в том числе финансовой. Для него это не редкость.

– К делу. Правителю Верзиту доложили об измене? – сразу перешел к сути Хельмут и задал вопрос Олонду.

– Об измене? Нет, потому что еще ничего неизвестно об измене. Ему доложили о гибели Мороков, – ответил Олонд.

– Об убийстве Мороков, – поправил Хельмут.

– Ваше передергивание не имеет никакого смысла. Правителю Верзиту доложено в соответствии с правилами. Решение измена это или нет примет он.

– Давайте начнём, – предложил Возгарь и попросил всех присаживаться на места.

Участники расселись и Возгарь еще раз огласил повод для встречи, добавив известные к этому времени подробности произошедшего. Первым выступал Хельмут, рассказавший все, что с ним произошло и что ему известно. Возгарь сообщил о подготовке новых Мороков и срочном обучении боевых ворожеев, пока существует много свободной силы. Дипломат Алатырь рассказал о том, что ни со стороны Рестонии, ни со стороны других земель не поступало официальных сообщений о намерениях войны с Вервиной, он заверил, что они поддерживают контакт со всеми землями, и никто не давал даже намека на угрозы.

– Тем не менее, кто-то собрал шестнадцать могучих ворожеев, собрал в каждом месте по двадцать-тридцать бандитов, подкупил часть наших людей и все это осталось незамеченным. Они въехали на наши земли, разъединили ворожеев при помощи изменников, устроили засады, а после скрылись. Как такое возможно? – спросил Хельмут, вопрошающе глядя в глаза Драгану.

– Я понимаю твое негодование, но ты же сам знаешь, что в последние годы у нас есть проблемы с финансированием, толковых людей не хватает. Мы могли что-то упустить, но службу свою несем и сообщаем все, что может иметь значение. Волвар, подтвердит и Марек мог бы подтвердить, – спокойно отвечал Драган.

– В последнее время от Драгана поступала кое какая информация, но ничего не звучало про готовящийся заговор, – хладнокровно произнес Волвар.

– Может это и не вражеский заговор вовсе, – предположил Олонд.

– Да, это простое совпадение, – передернул Хельмут.

– Заговор может быть и внутри Вервины, вы об этом не думали? – уточнил Олонд.

– Было бы у нас больше средств, мы могли бы действовать лучше, пока узнаем, что можем, – разводил руками Драган.

– Кстати о средствах, – перебил Хельмут, – что решилось с тем делом о краже налогов на армию, которое мы с Гарипом случайно раскрыли? Там же была целая цепочка из казнокрадов. Кого-то казнили? Кинули в клетку?

– Правитель Верзит принял решение помиловать нарушителей под честное слово, что такого более не повторится, – спокойно сообщил Олонд.

– Под честное слово вора? – спросил Хельмут.

– Я от имени Правителя Верзита не собираюсь это обсуждать с вами.

– Но какой официальный приказ, распоряжение? Почему он это сделал? Что за милость к преступникам? Из-за них, быть может, этот заговор и произошел.

– Правитель Верзит не считает нужным казнить опытных людей, полагая, что их место некому занять. К тому же он не готов ссориться с представителями лучших семей в Вервине. Ему нужна их поддержка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.